

АНДРЕЙ ШОППЕРТ

И ОПЯТЬ ПОЖАРСКИЙ

К Н И Г А # 4

И опять Пожарский

Андрей Шопперт

И опять Пожарский 4

«Автор»

2021

Шопперт А. Г.

И опять Пожарский 4 / А. Г. Шопперт — «Автор», 2021 — (И
опять Пожарский)

Дела семейные. Немного прогрессорства. Немного жизни. Пока не до Крыма.

© Шопперт А. Г., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Андрей Шопперт

И опять Пожарский

Книга четвёртая

Глава 1

Событие первое

Как в кино, подумал князь Пётр Дмитриевич Пожарский меньшей, на ходу надевая сапоги. Их флот причалил к пристани Вершилова только шесть часов назад. Пока обнимались с соратниками, пока с женой целовались, пока до дому добрались, на ходу обещая высыпающим на улицы учёным, что завтра непременно их посетит, ну, куда же без них. Пока Пётр баньку принимал, а потом обедал, как тут примчался стрелец и доложил, что к пристани подходит второй флот, с Миасса вернулся княжич Фёдор Дмитриевич. Уже вечерело. Всё-таки конец сентября, день заметно сократился.

Пётр чмокнул в лоб проснувшегося сынишку, Димку, и, разведя руками, на недовольный взгляд жены, выкатился через три ступеньки со второго этажа терема на улицу. Его кохейлана «Рыжика» уже подводили. А пристань опять была полна народу, многие родственников после пятимесячной разлуки встречали, но большая часть пришла полюбопытствовать, да новости с Урала послушать.

Фёдора и не узнать. В Вершилово год назад приехал пацан, правда, гонору, хоть на хлеб намазывай. Как же – княжич Пожарский. На Урал отправлялся юноша, но всё ещё княжич Пожарский. А обнял Петра на пристани рослый детина и уже не пацан, а управляющий, вон взгляд какой хваткий, да и не княжич уже, нужно будет царя батюшку попросить титул маркиза дать Федьке, пусть порадует. Пётр за эти четыре с лишним года сам вытянулся на тридцать с лишним сантиметров и росту был по меркам семнадцатого века очень высокого – метр восемьдесят шесть сантиметров. Батянька – Дмитрий Михайлович, тоже был богатырь, и сыну было в кого расти, но сейчас Пётр был уже выше отца сантиметром на десять, Фёдор за год тоже вымахал, плечи ещё жидковаты будут и шея тонкая, но для своих неполных пятнадцати годков был высок, с отца ростом. Что значит физическая культура и правильное питание. Это монахи пусть постятся, а всех воинов отец Матвей от поста освобождал, людям тренироваться надо, а на постной каше мазохизм выходит, а не тренировка.

– Рад, что вернулись, – очередной раз, обнимая брата, – улыбнулся Пётр, – Потерь нет?

– Слава богу, все живы и здоровы, да никто на нас и не нападал, даже обидно, – хохотнул младший Пожарский.

– Ладно, навоюемся ещё. Поехали домой, тут без тебя разберутся, – видя, что Фёдор по привычке собирается покомандовать, остановил его Пётр, – Я ведь только сегодня сам приехал, там гости собираются, Машка ругается. Ленка твоя тоже будет, – усмехнулся на невысказанный вопрос брата Пожарский.

Пока добирались до терема, удалось переброситься парой фраз. Фёдор привёз с собою восемьдесят шесть тонн чугунных рельс, значит можно начинать строить конку до промзоны. Конечно, чугун это не марганцовистая сталь, из которой делают рельсы в двадцать первом веке, он и хрупкий и стираться будет быстрее, но ведь ни марганца, ни прокатного стана нет, обойдёмся пока чугунными. Ещё брат обрадовал тем, что, несмотря на кучу проблем, во всех трёх городах народ будет зимовать в новых домах, даже в Михайловске успели, вовремя при-

везли почти пять десятков плотников из Уфы и окрестных деревенок. Потратили, конечно, кучу денег, но ведь и положительный момент был, теперь эти пять десятков мужиков захотят, скорее всего, и себе такие дома построить, а глядя на них и соседи потянутся. По крайней мере, Пётр на это надеялся.

А ещё Афанасий Иванович Афанасьев заметил в себе странную перемену. Он ведь ни коим боком Фёдору Пожарскому ни родственник. Пётр Пожарский был отравлен и оставил в наследство бывшему генералу только знание языка, да воспоминания разрозненные. А сейчас Афанасий Иванович искренне радовался возвращению младшего брата, а утром даже кружил упирающегося Ванятку и подбрасывал его над головою. Самый младший Пожарский стеснялся, что его такого взрослого кидают в небо, но по довольной улыбке, Пётр видел, что и Ванятка ему ужасно рад. А ещё Пётр сознавал и причастность к клану Пожарских. Есть отец, на которого всегда можно положиться, есть дядька Роман Петрович, ну пусть, не совсем «дядька», но тоже Пожарский и родственник. Ещё сидит воеводой на Двине его родной брат Пожарский Дмитрий Петрович Лопата, который во всём помогал отцу Петра во время смуты. Роман Петрович недавно письмо прислал, хочет на следующий год сына своего Семёна отправить в Вершилово к Петру, учиться. Он не один на этом свете, у него есть *семья*. А теперь вот ещё Мария и сын Дмитрий Петрович, названный в честь деда. Чем не клан? По родовитости и отсутствию представителей в Боярской Думе Пожарские сильно уступали, каким ни будь Милославским или Шуйским, а вот по влиянию на Государя и государственные дела. Ничего, сделаем батяньку боярином, если он сильно возражать не станет. Самому некогда в Москве на жёсткой лавке штаны протирать, работать надо, Русь матушку вперёд толкать.

В просторной зале, специально пристроенном к терему, было не протолкнуться. Одних князей почти десяток. Правил балом, переехавший в Вершилово Владимир Тимофеевич Долгоруков. Вторым по старшинству был боярин Иван Иванович Пуговка Шуйский, который управлял Московским Судным приказом, а в Вершилово оказался, приехав на свадьбу сына Романа Ивановича Шуйского, который всего неделю как сочетался законным браком с Марфой Долгорукой. Новобрачные, понятно, тоже места в горнице заняли. Роман по примеру тестя в Вершилово прижился, он перенимал воинскую науку у воеводы Заброского и Пётр этому только рад был, иметь среди князей адекватного полководца для Руси большая удача. Третьим по знатности был бывший воевода Уфы князь Григорий Григорьевич Пушкин. Царь на его прошение провести последние годы жизни в Вершилово, заодно за княжичами, присланными на учёбу присматривая, ответил грамоткой дарующей князю освобождение ото всех налогов до конца жизни и просьбою в обучение княжат вникать и быть им за место отца. Ещё был князь Фёдор Фёдорович Пронин – воевода Нижнего Новгорода, и его товарищ князь Иван Андреевич Ростов. А ещё было три княжича, что приехали по велению Государя перенимать воинскую науку у воеводы Заброского. Роду княжичи были не последнего, правильно, царь первых отправлял в Вершилово сыновей бояр. Учиться у Заброского приехали: Алексей Иванович Воротынский, Алексей Иванович Буйносов-Ростовский и Фёдор Фёдорович Куракин. Если к этому списку добавить Петра с Фёдором, а потом ещё княгинь с княжнами, то прямо дворянское собрание получается. Вообще-то женщин на Руси на такие мероприятия не допускали, но Мария Владимировна, пообщавшись с мужем и жёнами немцев, решила у себя в доме новые порядки заводить, а боярин Долгоруков, имеющий ещё двух незамужних дочерей, всячески старшую дочь поддерживал. Иван Иванович Шуйский несколько раз глянул на это нарушение традиций исподлобья, но замечательные напитки, выдаваемые вершиловским спиртовым заводиком, через десяток минут сделали своё дело, боярин махнул рукой и расслабился. Да так расслабился, что даже песни запел. Оно и понятно, к сорокоградусным напиткам подходить нужно осторожно, это не шестиградусная медовуха.

А в целом пир, по поводу возвращения хозяев домой, прошёл весело. Далеко ещё конечно до Петровских Ассамблей с танцами и разными куртуазностями. Только, может и не сильно

надо. У нас фантазия-то чуть лучше работает, у нас театры будут, консерватории, цирки. Ну, а сильно надо будет, то и танцы организуем, но не из-под палки же.

Событие второе

Королевич Владислав встречал в Риге будущую Российскую императрицу Доротею Августу, племянницу датского короля Кристиана. Владислав люто ненавидел всё, что связано с Московией. Он ведь даже успел в Московии царём посидеть. «Посидеть» за стенами смоленского кремля. Всё было почти хорошо до гибели Яна Пётра Сапёги. Королевич всегда с красной пеленою перед глазами вспоминал те месяцы. Поляки сидели в Москве окружённые восками князя Трубецкого. Люди Станислава Жолкевского сначала съели всех лошадей, потом всех собак и ворон, а в конце дошло дело и до мертвечины. Взявший на себя после гибели Сапёги обязанности по снабжению продовольствием осаждённых в Москве поляков Ян Кароль Ходкевич, великий гетман литовский, с этой задачей не справился, а пробившиеся в Москву венгерские пехотинцы Феликса Невяровского без продовольствия только усугубили ситуацию. А ведь русские сами избрали его царём и пригласили в Москву. Хорошо же он «поцарствовал». Ничего, когда-нибудь он вернётся на московский трон, и этот шутовской «Император» Михаил Романов сначала будет целовать у него сапоги, а потом издохнет на колу.

Четыре года назад Владислав со своими войсками стоял уже у стен Москвы и почти все города были взяты. Они даже дошли до Арбатских ворот. Но. Всегда есть это «но». Шведы и османы, воспользовавшись длительной войной с Московией, напали на Речь Посполитую. Сейм отказывался дальше финансировать компанию, близилась зима, русские тянули с переговорами, войск было недостаточно для планомерной осады... Что говорить, если даже лестницы у поляков оказались короче, чем нужно: по ним было не взобраться на крепостные стены. Пришлось заключать мир с Михаилом и перебрасывать войска. Тогда от Швеции и Османской Империи удалось отбиться, правда, с потерями. Нет, ни с территориальными. Мир заключили со шведами на два года, по прежним границам. Воинов много полегло. Хороших воинов, закалённых в боях. Сейчас набрали наёмников, но разве наёмники будут так же воевать как шляхтичи. Проклятый же Адольф за эти два года снюхался с москвитами, и эти дети собаки ударили с двух сторон. Воспользовались сволочи сокрушительным поражением польской армии от турок под Цецорой. В результате Лифляндию удалось отстоять, правда, с огромными потерями и разрушением Риги, да и то благодаря предательству этого князя Пожарского меньшого. Только тот же Пожарский, да его отец, откусили от Княжества Литовского огромный кусок, чтоб им подавиться. Речь Посполитая лишилась Смоленска, Витебска, Полоцка, Чернигова и ещё десятка мелких городков и десятка крепостей на границе, в наведение порядка в которых были вложены огромные деньги. Москвиты же крепости не разрушили, они захватывали их обманом. В результате получается, что Польша затратила четыре года и десятки тысяч злотых на то, чтобы русским крепостные стены починить и сами эти крепости обустроить. Пся крев.

Сейчас Лев Сапега в Москве заключил договор с Михаилом о совместной войне со шведами. Да тут ещё так удачно датчане согласились отдать этим варварам свою принцессу в обмен на помощь в войне со Швецией, монетный двор и мастерские по литью колоколов и пушек. Втроём они раздавят Адольфишку через год, тут даже сомнений нет. Только договор какой-то странный Сапега заключил. Речь Посполитая настаивала, что Эстляндия полностью достанется ей. А эти проклятые византийцы и тут выкрутили всё по-своему. Когда обсуждали эту войну в сейме, решили что коронные войска начнут боевые действия последними, пусть начинают датчане и москвиты. Они оттянут на себя основные войска, и Речи Посполитой будут противостоять только ослабленные гарнизоны крепостей. Серьёзных крепостей там всего две Нарва и Ревель. За зиму бы справились с обеими. Но! Опять это «но». Русские настояли, что после

победы над Шведским королевством каждому достанутся те земли, которые они захватили в ходе войны и удержали до победы за собою. Одно слово – «византийцы». Понятно, на Нарву нацелились клятые схизматики. Она им нужна как воздух. Это и выход к Балтийскому морю и одновременно непреступная твердыня на северо-западной границе. Льву Сапеге пришлось уступить под нажимом сразу и данов и русских, спелись дети собаки. Ничего, ещё посмотрим, чья возьмёт. Эту Нарву ещё ведь и захватить нужно. От Дерпта до Нарвы ближе, чем от Новгорода или Пскова. Теперь, правда, не получится отсидеться и воевать нужно начинать даже первыми, но если очистить Эстляндию от шведов, то вся Прибалтика, кроме Герцогства Прусского, которое всё больше зависит от Бранденбурга, будет у Речи Посполитой, есть за что воевать. А вот когда эта война закончится и исчезнет угроза с севера для Речи Посполитой, можно будет попробовать замирился с османами или даже договориться с ними о совместной войне с Московией, с Российской империей, пся крев.

Эти варвары вон каждый год союзников меняют, сначала бились с Речью Посполитою вместе со Шведским королевством, а теперь будет наоборот. Захочет ли с таким правителем кто-то иметь дела? Владислав усмехнулся. Конечно, захотят. Плевать, кто твой союзник, лишь бы он воевал на твоей стороне. У Московии по сути всего три противника. С севера Швеция. С запада Речь Посполитая. С юго-запада крымчаки и стоящая за ними Османская империя.

Эти «византийцы» сначала с помощью шведов откусили кусок Княжества Литовского, в следующем году откусят кусок Швеции, эти варвары ведь не остановятся на тех границах, что отошли шведам по Столбовому договору, дальше попрут, там есть Выборг, Нарва, Нишлот. Чтобы им подавиться. А потом что? Крымское ханство? Азов? Вот на этом и надо будет сыграть. Заслать посольство к султану и помаячить перед ним Пурецкой волостью. В мире нет ни одного монарха, который бы не захотел эту волость иметь у себя.

Ладно. Сначала Швеция. А вот и корабль с датским флагом. Стоявший рядом с Владиславом ратман Риги уверенно определил, что это трёхмачтовый хольк.

– Когги они по-другому устроены, у холька мачты составные и штурвал, а не румпель. Нет, это точно хольк, – ратман был стар, ему, наверное, было не меньше семи десятков, но дедок ещё крепок и Ригу вон, почти уже поднял из руин.

– А который лучше? – чтобы поддержать разговор спросил королевич.

– Понятно, хольк, у него манёвренность лучше и скорость повыше. Я ещё застал времена, когда в этих водах свирепствовал пиратский флот Карстена Роде. Так тот всегда свой флаг на хольке держал. Названия уже не упомяну, но никто от него уйти не мог.

– Карстен Роде? – заинтересовался Владислав.

– Был на службе у Московского царя Ивана четвёртого такой датчанин, целый пиратский флот у него был. Всё Балтийское море в страхе держали! – ратман, судя по тону, гордился тем пиратом, может, служил в его флоте.

Владислав продолжал вполуха слушать старичка про подвиги великого Роде, а сам вспомнил, что и ещё одним человеком Дания связана с Московией. Свататься к Ксении Годуновой приезжал их принц Иоганн Шлезвиг-Гольштейнский, которого на Руси прозвали Иоганн Королевич, но заболел внезапно датский принц и умер. Датчане обвинили тогда Годунова в том, что Иоганна отравили. Королевич слышал, что Кристиан IV долго отказывался отдавать свою племянницу за русского царя из-за этого случая. Но. Опять «но» и опять Пурецкая волость. Нет в мире монархов, которые могут устоять перед подарками оттуда. Вот и Кристиан не устоял. Потребовал, конечно, не мало: и монетный двор и мастерские по литью пушек и колоколов.

Корабль медленно подходил к причалу. Что ж, посмотрим на будущую «императрицу».

Событие третье

Царь и Великий Государь Михаил Фёдорович Романов отложил указ, который должен был подписать и, ткнув в него пальцем, зло крикнул стоящему рядом дьяку Фёдору Борисову:

– Почему не доложили! Это же три месяца назад было.

– Прости, Великий Государь, сам только вчера узнал, не проходили через мои руки эти бумаги, – дьяк смущённо поправил на голове тафью.

– Ладно. Что узнал после того, как «вчера» бумагу увидал? – усмехнулся Михаил, уверенный, что Фёдор теперь-то уж всё знает о сём деле.

– Князь Пётр Дмитриевич Пожарский меньшей отправил по весне в Смоленскую губернию своего холопа Силантия Коровина и с ним два десятка стрельцов, и плотников и печников с десятков, чтобы те деревеньки и сельца, что ему достались обиходить.

– Много ли деревенок? – перебил дьяка царь.

– Дюжина, Великий Государь, – Фёдор замер.

– Продолжай.

– По дороге, недалеко от Смоленска напали на них тати дорожные большим числом. Только стрельцы вершиловские больше тридцати татей побили, а четверых пленили и потом в Разбойный приказ передали. Из мёртвых же татей гору вдоль дороги сложили, раздев их донага, – дьяк перекрестился.

Михаил тоже перекрестился, но не преминул заметить.

– Ведь работает же сие вразумление. Вон на Владимирском тракте татей-то нет.

– Истинно так, царь батюшка, только всё равно не по-христиански.

– Не по-христиански татьбу на дорогах чинить. Дальше рассказывай.

– Оный холоп Силантий выдал деньги крестьянам на покупку коров и лошадей, а когда те купили животину и домой стадо гнали, напали на них стрельцы смоленские во главе с товарищем воеводы Смоленска дворянином Тихоном Петровичем Осташковым. Лошадей было двадцать пять и коровёнок числом двадцать. Холопов люди конокрада Осташкова избили, а стадо погнали назад в Смоленск. Силантий Коровин, о том, прознав, попросил дворянина Осташкова стадо вернуть, но тот, пригрозив ему стрельцами, прогнал его. Тогда в ночь вершиловские стрельцы на конокрадов напали и стадо отбили. У вершиловцев трое раненых, а смолян восемь убитых и десятков раненых. Товарищ же воеводы Осташков снарядил сотню стрельцов из Смоленска и повёл их на вершиловцев, – Фёдор остановился.

Михаил вскочил со стула и нервно заходил по горнице.

– Что же это делается на Руси? Неужто у нас стрельцов лишку? Продолжай.

– Слушаю, Великий Государь. Прознал о том деле Государев дьяк Смоленской губернии Илья Трофимович Озеров, он воеводу Смоленска князя Юрия Андреевича Сицкого образумил и князь сотню вернул в Смоленск, а конокрада Осташкова в Разбойный приказ передал. Осташкова опосля доставили в Москву, и тот на дыбе во всём признался и ещё два случая признал конокрадства. Дума же приговорила оного Осташкова отправить в Тобольский городок, – Борисов снял тафью и протёр вспотевшую голову, – Это всё, царь батюшка, что успел я вызнать о деле сём.

– Что у нас, Фёдор, на Руси с конокрадами делают? – Михаил взял указ и порвал его.

– Известно, на кол сажают, али вешают.

– Подготовь новый указ, Осташкова Тишку дворянства лишить, выдать двадцать плетей и отправить в смоленский острог, к пленным ляхам, камень для дорог дробить, пожизненно. Какая от него польза в петле, а так лишних несколько вёрст дороги построим, – Михаил отошёл к окну и посмотрел в серое сентябрьское небо.

Дьяк не торопясь поднял половинки порванного указа и ждал продолжения.

– Как звали старшего у стрельцов вершиловских, знаешь ли? – повернулся государь к Борису.

– Десятник Фома Исаев, надежда государь, – не замедлил с ответом дьяк.

Михаил Фёдорович поражался регулярно памяти Фёдора, тот запоминал навечно всё, что прочитал, за это его царь и приблизил.

– Подготовь указ, Фёдор, Фому Исаева возвести во дворянство и дать деревеньку недалеко от Смоленска. И второй указ подготовь, назначить дворянина Исаева товарищем воеводы в Смоленской губернии. Есть ли там сейчас товарищ у князя Сицкого?

– Не ведомо мне о том, Великий Государь, – потупился дьяк.

Вот, ведь, оказывается, даже Фёдор не всё знает. Да и не может один человек про всё знать в таком огромном государстве. Российская империя протянулась с севера от Архангельска до Терского городка на юге на тысячи вёрст или километров вершиловских. А с запада от Полоцка и Чернигова, до Енисейского острога на востоке и ещё больше тысяч этих километров. Сотни городов. Разве можно всё упомянуть.

– Узнай, если есть, то пошли грамотку ему и подготовь указ о назначении его воеводой в Михайловск, что Пётр Дмитриевич с князем Пушкиным на реке Белой основали. Дальше. Напиши письмо в Вершилово воеводе Заброжскому и князю Пожарскому, что стрельцов вершиловских, кои ранения получили, с татями да конокрадами на смоленской земле сражаясь, и ранены были, нужно наградить медалью «За боевые заслуги» и всех ещё и медалью «За воинскую доблесть». Не убоайся ведь «товарища» Осташкова. Стрельцов тех назначить в Смоленске десятниками и на обзаведение двадцать рублёв выдать, а взамен их отправить в Вершилово двадцать молодых стрельцов из того же полка Афанасия Левшина. Всё кажись? Хотя, нет. Грамотку подготовь для Государева дьяка Смоленской губернии Ильи Озерова, что довольны мы, как он службу справляет. Теперь всё, поди? – Михаил вопросительно посмотрел на дьяка Фёдора.

– Дозволь совет дать, Великий Государь? – склонился тот.

– Дозволю, – Михаил Фёдорович точно знал, что двое в его государстве Фёдор Борисов, да Пётр Пожарский плохого не посоветуют.

– Нужно грамотку отправить судие Поместного приказа князю и боярину Андрею Васильевичу Жекле Сицкому, в которой попенять ему, что плохо он сына воспитал.

– Так князя и позвать можно, он ведь рядом, в Москве, а сыну тридцать лет, своим умом давно живёт, – не понял Михаил.

– Грамотка-то она надёжнее, от неё не отмахнёшься. Андрей Васильевич ведь, получив оную, к тебе, Великий Государь, бросится за сына просить, а после того, как ты «сына простишь», но посоветуешь вразумить его, то одвуконь ломанётся в Смоленск. Опосля и в Смоленске больше порядку будет и в Поместном приказе, и оба князя будут за тебя бога молить.

– Хитро. Одной маленькой грамоткой столько дел переделать. Ты, Фёдор, достойно можешь с Петрушей Пожарским в мудрости состязаться. Тот тоже всегда так вывернет, что одним словцом пол страны может в движение привести. Составь такую грамотку для боярина Жеклы Сицкого. А нет ли новостей из Вершилова? – царь беспокоился, уже двадцать восьмое сентября, а от Петра и его брата Фёдор ни каких вестей.

– Нет пока, Великий Государь, – развёл руками дьяк.

– Как будут, сразу доложи, – велел Михаил, отпуская Борисова.

Событие четвёртое

Пётр Дмитриевич Пожарский проснулся от колокольного звона и попытался встать с кровати. Его чуть не вывернуло наизнанку, и он опять упал на перины. Чёрт! Это надо же было так вчера набраться. Эти два питуха, князя Долгоруков и Шуйский своими здравницами за царя

батюшку, да просто за батюшку, с непременным «пей до дна», споили его таки. Пётр даже не помнил, как до кровати добрался. А ведь надо вставать и идти на заутреню, а то отец Матвей обидится и епитимью наложит.

До собора Пётр пошёл пешком. Немного полегчало, но в духоте помещения, набитого народом по случаю праздника, как же, сразу две экспедиции вернулись домой целыми и невредимыми, настоящий праздник, снова поплохело. Он с зелёным лицом отстоял службу и, расталкивая народ, который попытался к нему радостно броситься, сам бросился к травницам. Бабки посмотрели на него, обругали, дали ведро и какую-то коричневую жидкость.

– Выпей кружицу, а потом два пальца в рот, и так три раза, мы покамест двери закроем, да никого пускать не будем, не гоже на такого князя людям паяться, – констатировала мать Кеплера на очень хорошем русском.

Через час домой Пётр вернулся чуть ожившим, ещё болела голова, но хоть не мутило. Блин. Нужно сухой закон в Вершилово ввести что ли. Всё. Сегодня выходной, решил Пожарский, проведу день с семьёй. Машу почти пять месяцев не видел, а про Димку даже не знал. Нет, что кто-то родится, знал, но что мальчик, только надеялся.

Вот хорошее же было намерение. Нет. Не получилось. Припёрся Михаэль Мёстлин с Мареном Мерсенном, приволокли два учебника, не терпится им. Пётр математиков поблагодарил и, выпроводив, пообещав завтра же зайти, хотел прилечь на диван. Дудки. Взял учебники перелистал и расстроился. Нет. Учебник геометрии за пятый класс был великолепен, такому и в двадцать первом веке не стыдно будет, кроме одного существенного недостатка. Эти великие математики не придумали ещё обозначения для некоторых понятий. Нет, ещё значка перпендикуляр, угол, параллельные прямые, градус, а синус и косинус пишут полным словом. Придётся завтра собирать и проявлять гениальность. Хуже, гораздо хуже, было с учебником алгебры. Перелистав его до конца Пётр не нашёл ни интегралов ни дифференциалов, да и здесь значки были неправильные или их не было вовсе. Умножить, разделить, степень и так далее, всё неправильно. И ведь сам виноват. Да, учебника по математике за четвёртый класс не было, но за третий-то был. А он не обратил внимания, что значок наклонная черта для обозначения деления и крест для умножения, ещё не придуман. Теперь придётся учебники перепечатывать, сколько денег и труда вхолостую. И ещё князь понял, что самый главный математик в этом времени не Декарт и Кавальери, а он. Пусть совершенно случайно, но он практически всё знает о «начале анализа», так в одиннадцатом классе российской школы называется учебник алгебры и там главные темы – это интегральное и дифференциальное исчисление. В те времена, когда восьмилетку заканчивал в далёком двадцатом веке Афанасий Иванович, в учебниках этого не было. Тем не менее, бывший генерал уже в возрасте девяности лет взял да и выучил.

Началось все буднично. К младшему сыну на квартиру должны были прийти днём газовой, что-то им там проверить надо, а сын с женою уехали в Москву по делам. Дома оставалась только младшая внучка Танечка, она была ученицей как раз одиннадцатого класса школы. Только дети днём в школе. Газовикам на это откровенно плевать, не будет жильцов в квартире, отключим газ, разговор короткий. Молодцы, правильно себя поставили ребята, порядок должен быть порядком. Вон дома один за одним на необъятных просторах родины взрываются из-за неправильного использования газовых приборов, тут бывший генерал газовиков поддерживал.

Афанасий Иванович посидел у сына, дождался проверки, и хотел было уходить, как тут из школы прибежала Танечка вся в слезах. Генерал скрипнул последними зубами и спросил напрямую девочку, кто её обидел и кого надо идти убивать. Если какие-то сволочи, что-то сделали с его любимицей, у Афанасия Ивановича рука бы не дрогнула. Оказалось хуже. Нужно убить математичку. Она поставила девочке двойку, а ведь Таня Афанасьева шла на золотую медаль.

– Деда, ну, не могу я врубиться в эти интегралы, галиматъя какая-то, – вытирая слезы, пожаловалась внучка.

Генерал развёл руками, тут он помочь не в силах.

– Может, репетитора нанять, деньги у меня есть, – предложил он.

– Нет, я сама должна, – упёрлась девочка.

– Дай-ка мне учебник посмотреть, – Афанасий Иванович решил хоть посмотреть на обидчика любимицы.

Из предисловия стало ясно, что обидчики – Лейбниц и Ньютон, ну ещё тот же Кавальери поучаствовал со своими «неделимыми».

– Танечка, можно я учебник на пару дней заберу, самому стало интересно, – попросил генерал внучку.

– Хотя на целую неделю, у нас следующий урок в среду.

Афанасий Иванович учебник забрал, пришёл домой, начал его изучать, и понял, что и, правда, галиматъя. И сколько бы бывший генерал не перечитывал учебник, лучше не становилось. Пришлось прибегнуть к интернету и прочитать статью «Анализ для чайников». Тот, кто её написал сам чайник, к такому выводу пришёл пенсионер. Пришлось поискать в интернете репетитора. Нашёл, любителей заработать на школьниках хватало. Заплатив пятьсот рублей, генерал порешал задачки, всё просто. А вот теория. Молодой человек объяснял, но достучаться до сознания Афанасия Ивановича не смог. В интернете нашлось куча статей и про Лейбница и про Лопиталья и про Ньютона и Бернулли. Помог второй репетитор. Это была бабулька пенсионерка, вот у неё, наконец, получилось объяснить Афанасию Ивановичу про все эти бесконечно малые и про их приращения. Сказать, что всё просто, так нет. Не очень просто, но хоть стало понятно, зачем это делается.

Во вторник генерал пришёл после обеда к внучке, отдал учебник и за три часа объяснил ей всё, что сам понял про эти функции. А ещё кучу статей скаченных из интернета про Лейбница, Лопиталья и братьев Бернулли отдал. На следующее утро внучка позвонила из школы на перемене деду и обрадовала его, она получила сразу две пятёрки и за задачки и за доклад про Лейбница и его кружок.

Пришлось Петру сесть за стол и написать на бумаге всё, что вспомнил. Это ведь было два года назад в той жизни и четыре с лишним года в этой. Спасибо той старой учительнице, что достучалась-таки до сознания ветерана, а на память генерал никогда не жаловался, тем более что в тех структурах, в которых он служил, прорабатывались и программы по улучшению запоминания информации.

Уже в восемь вечера, закончив писать, князь Пожарский вышел из дому и сказал дежурившему у дома мальчишке, чтобы бегом бежал к Михаэлю Мёстлину и сказал ему, чтобы завтра в девять утра все до единого математики были в актовом зале Академии с карандашами и блокнотами.

– Хотя, подожди, пусть и астрономы с физиками подходят, да и механики тоже, – Пётр решил, что так хуже не будет. Сейчас ведь все энциклопедисты.

Мёстлин перестарался. Были вообще все: и химики, и философы и даже медики. Ладно. Ничего страшного, не захотят слушать, пусть просто посидят. Начал Пётр с осмотра зала. Несколько человек были ему явно незнакомы. К ним князь и обратился.

– Господа учёные, те, кто приехал, пока меня не было, после лекции прошу пройти в мой кабинет на втором этаже, пообщаемся.

Незнакомцам перевели. Те закивали. Ну и прекрасно, начнём.

– Для начала я хочу поговорить о стандартизации всего, что мы делаем. Давайте разработаем систему стандартизации. Пример, чтобы было ясно. Делаем мы болты, и для скрепления двух определённых деталей просится болт диаметром пять с половиной миллиметром. Мы его выточили, нарезали резьбу и собрали деталь. Всё замечательно. Только деталь изно-

силась. Нужно разобрать и заменить болт. Опять нужно будет вытачивать точно такой же, а нам ждать пока его изготовят. Это неправильно. Все болты должны быть одинаковые с шагом диаметра в два миллиметра. То есть: 4, 6, 8, 10, 12 и так далее. Да, иногда чуть проигрываем в весе. Зато разобрали деталь, взяли заранее изготовленный болт, и снова собрали. Огромная экономия времени и своего и токаря. Вот и подумайте, что нам ещё нужно стандартизировать. Теперь ближе к математике. Здесь то же самое, – и Пётр нарисовал на доске все математически значки, которые вспомнил, включая обозначение корня, тангенс и котангенс. Сначала все сидели молча, но когда он дошёл до тангенса народ взбодрился и зашушукался. Они, что ещё не работают с этими понятиями. Блин. Пётр и сам не очень хорошо помнил отношение чего к чему тангенс, а чего к чему котангенс. Ничего, вместе разберёмся.

Пожарский снова оглядел зал, писали все, даже медики. Им-то зачем? Попросил задавать вопросы, как раз про тангенс не задали, задали про дифференциал и интеграл. Замечательно. Вот тут Пётр и выдал им всё, что вспомнил про дифференциальное и интегральное исчисление. Его не прерывали, скрипели карандаши, чертыхались переводчики, слишком много новых терминов. Когда он закончил, в зале ещё десяток минут стояла тишина. Математики думали, а философы боялись им помешать. Пётр даже знал, кто задаст вопрос первым. Кавальери со своими неделимыми был ближе всего к анализу. Но, нет, оказывается, французский шпион Пьер Эригон тоже занимался неделимыми.

– Ваша светлость, но как вы до всего этого дошли, это ведь меняет всю математику, в вашем методе вопросов в тысячу раз больше чем ответов.

– Всё, господа, ответы будете добывать сами, и на основании этих ответов мне нужен учебник за шестой класс школы.

– Школы? Но этого не преподают ни в одном университете Европы. Даже то, что в учебнике за пятый класс является прорывом в математике. А это? – не выдержал и Кавальери.

– Мне, по большому счёту, всё равно, что изучают в Европе. Там даже доказывают, что Солнце вращается вокруг Земли, для того, чтобы в Ватикане было тепло. Учебник нужен к весне. Его ещё набирать, печатать, проверять. И просьба у меня к вам, товарищи учёные, давайте учить русский язык, много больно переводчиков в зале. Они-то ведь выучили языки, а вы что глупее, я, вроде, лучших приглашал. Всё, дорогой президент, оставляю вас, химиков забираю. С ними мы будем другое приращивать.

Событие пятое

Император Российской империи Михаил Фёдорович Романов принимал очередных переселенцев в Вершилово в Передней палате Кремля. В Грановитой шёл ремонт. Так-то в Передней заседала Дума, но ещё Годунов в бытность свою даже не царём, а только царским шурином отменил ежедневное заседание Думы боярской и установил, что собираться бояре будут по понедельникам, средам и пятницам. С тех пор и сам Годунов поцарствовал и Дмитрий и Шуйский, да уже вот больше десяти лет царствует сам Михаил, но заведённого порядка никто не порушил, значит, все довольны, всем нравится. Ну, пусть так и будет. Сегодня был четверг и помещение пустовало. Его Михаил и выбрал для представления англичан. Да, на этот раз в Вершилово перебирались англичане. Это были первые, царь не сомневался, что теперь из этой страны тоже ручеек потечёт в Вершилово. Всегда так с Петрушей, пока всех лучших людей из какой страны не выберет, не успокоится. Не так давно опять были французы. Целых три писателя и архитектор лучший во Франции.

Толмачил на этот раз Тимошка Хвостов. Михаил потрепал мальчика по плечу и, вспомнив пословицу, сурово проговорил:

– Бог не Тимошка – видит немножко, – перекрестился, – А ну переведи.

Тимошка смутился, но сказал громко и отчётливо перевод. Михаил одобряюще улыбнулся сироте и приказал запускать рынд и представителей посольского приказа, а потом и англичан. Ему сказал дьяк Борисов, что переселенцев много, но оказалось, что не просто много, а «много». Десятка два, не меньше. Они долго заходили, расшаркиваясь и приседая чудно, было много женщин, даже девиц. В результате англичане разделились на две группы, одна жалась к правым лавкам, другая к левым и только один мужчина стоял посреди зала. Так и хотелось Михаилу начать с него, но он ведь был «византийцем» и царём «этих варваров», поэтому он кивнул на более многочисленную группу, что встала слева. Одеты они были гораздо беднее второй группы и более того, Михаил заметил, что одежда старая и у некоторых местами латаная.

– Спроси, кто они, – окликнул стоящего столбом Тимошку Государь.

Мальчик спросил, ему ответили, он побледнел и снова что-то спросил, потом почесал за ухом и неуверенно оглянулся на Михаила, хотел что-то сказать, но опять отвернулся к переселенцам и снова задал им вопрос, на этот раз, разговаривающий с ним мужчина в чёрном и с вычурным париком из каштановых волос, говорил долго.

– Царь батюшка, они скоморохи, – почти заикаясь, выдал Тимошка, когда терпению Михаила уже пришёл конец.

– Скоморохи?!

– Скоморохи, только они не на улицах представления дают, а в доме специальном, – чуть увереннее проговорил мальчик.

– Как у Петра Дмитриевича Пожарского в Цирке? – уточнил Государь.

– Они это здание театром кличут, а себя актёрами, – пояснил толмачёнок.

– Понятно, – для Тимошки и своих ответил Михаил.

На самом деле ему было ничего не понятно, он пересчитал этих актёров, семнадцать человек. Петруша пригласил в Вершилово семнадцать скоморохов, в это просто не верилось. Не учёных, не художников, даже не писателей, скоморохов. Из Англии!

– Пусть покажут своё умение, – решил, наконец, царь.

Тимошка перевёл, актёры пошушукались, вперёд вышел молодой человек с небольшими усиками и совсем молоденький парнишка, он осмотрел зал и лёг на лавку, усатенький склонился над ним и начал что-то говорить. Толмачёнок пытался переводить, но актёр говорил быстро, Тимошка сбивался, краснел, заикался. Длилось это минут пять. Все эти пять минут Михаил пытался понять, зачем эти люди нужны Петру, он даже не напрягался, чтобы понять перевод. К чему. В одном Государь был уверен точно, эти люди нужны младшему Пожарскому, Пётр никогда раньше в выборе переселенцев не ошибался. Но зачем? Отец говорил ему, что в Вершилово собираются строить этот самый театр. Туда эти актёры и едут, играть в этом театре. Зачем? Это скучно и неинтересно. Да к тому же, сколько лет пройдёт, пока они русский выучат.

– Фёдор, – подозвал Михаил зло дьяка, когда молодые люди закончили и стали отступать к своим, кланяясь, – Выпиши им грамотку для проезда в Вершилово и письмо напиши Петруше, пусть объяснит мне тугодуму, зачем ему эти люди, и выпроводи их быстрее. Смердит от них, говорил ведь уже не раз, сначала иноземцев в баню пусть ведут, а то вшей здесь натрясут. Давай следующих представляй. Вон тех, что у правой стены.

Первым от трёх жмущихся к правой стене вышел совсем уже пожилой мужчина, почти старик, но взгляд ясный и с вызовом.

– Генри Бригс, Ваше Величество, был профессором математики в Грешем-колледже в Лондоне, затем в Оксфорде, где и работал до последнего времени, – старикан учтиво расшаркался снова.

– Есть ли книги у тебя? – поинтересовался Михаил, хоть тут понятно, математиков Пожарский сейчас по всей Европе и собирает.

– Я первым в Европе составил логарифмические таблицы, пять лет назад мною опубликованы восьмизначные справочные таблицы десятичных логарифмов, – и взгляд такой, типа «кому я объясняю», монарх варварской страны.

Михаил решил уделать зазнайку.

– Фёдор, дай ему учебник на латыни по математике за пятый класс. И пусть пока полистает в сторонке, – Михаил полюбил математику. Он самостоятельно изучил все четыре предыдущие учебника, три по математике и один по геометрии, кроме того решил все задачи в учебнике с занимательными задачами Мезириака, а теперь уже второй месяц изучает учебники за пятый класс, уже практически осилил. Посмотрим, что ты запоешь через десяток минут.

Вторым вышел монах. Этот был помоложе, и монашеские одежды скрадывали возраст, Михаил дал бы ему лет сорок пять.

– Уильям Отред, Ваше Величество, – и лёгкий поклон, – Я окончил университет в Кембридже и больше десяти лет преподавал там математику, сейчас же я имею приход в англиканской церкви в Олбери, что недалеко от Лондона. Я продолжаю заниматься в свободное время математикой и переписываюсь со многими видными учёными.

– А у тебя, Отред, есть ли книги напечатанные? – улыбнулся монаху Михаил.

– Нет, Ваше Величество, я пишу книгу для юношества под названием «Ключ к математике» и трактат по конструированию часов, но думаю, пригласили меня в Пурецкую волость по той причине, что узнали про созданную мною логарифмическую линейку, с помощью которой можно производить различные математические действия.

– Есть ли она у тебя с собою? – заинтересовался Михаил Фёдорович.

– Да, Ваше Величество, – монах вынул из рукава, как фокусник, небольшой деревянный прибор с чёрточками и цифрами.

– Умножь мне 16 на 14, – попросил Михаил, он только что выучил правила сокращённого умножения и любил прихвастнуть этим.

Монах передвинул одну из палочек на своём приборе и ответил:

– Двести двадцать четыре, Ваше Величество.

– Знаешь ли ты, Отред, правила сокращённого умножения?

– Некоторые, – осторожно ответил монах и пристально посмотрел на царя.

– Я выучил их, – подтвердил его догадку Государь и продемонстрировал это на умножении 16 на 17, – Сначала умножаем 6 на 7 и потом прибавляем 6 плюс 7 к первой цифре, итого двести семьдесят два.

Теперь все оставшиеся четыре человека смотрели на него круглыми глазами. Михаилу понравилось.

– А знаешь ли ты правила для возведения в куб двухзначных чисел и извлечение кубического корня?

– Нет, Ваше Величество, а есть таковые? – монах не верил своим ушам.

– Понятно, что есть, – хмыкнул Государь, – Они в том учебнике, что соотечественник твой листает. Присоединяйся к нему, выпишут тебе грамотку в Вершилово.

Последним представился самый молодой, на вид лет тридцати пяти и одет по-другому.

– Джеймс Юм, Ваше величество, я живу во Франции, но сам шотландец, в этом году был в Англии и зашёл в Оксфорде к профессору Бригсу, он и уговорил меня перебраться в Пурецкую волость вместе с ним. Предугадывая ваш следующий вопрос отвечаю. У меня нет пока опубликованных книг. Сейчас я работаю над грамматикой древнееврейского языка и над книгой по применению математических методов в астрономии. Также я вёл переписку с бароном де Мерчистоном, боле известным, как математик Непер. Мой отец, Дэвид Юм, был довольно известным поэтом и историком, сейчас я и готовлю к издательству часть его трудов, – шотланец поклонился, показывая, что закончил представление.

Михаил кивком отпустил его к собратьям и наконец, разрешил говорить тому важному англу, что стоял в центре палаты. Этому было лет пятьдесят, и за последние десять минут общения Михаила с математиками он изрядно пыл подрастерял.

– Томас Ман, Ваше Величество, – ещё одно расшаркивание.

– Тоже математик? – кивнул ему царь.

– Нет, Ваше Величество, я купец и экономист, работаю над количественной теорией денег, а также движением капиталов и товаров.

– У тебя есть приглашение от князя Пожарского, Томас? – Михаил с таким учёным сталкивался впервые, с математиками, астрономами, химиками, всё было понятно, но тут.

– Нет, Ваше Величество, я узнал об этом приглашении от того же профессора Бригса. Я думаю, что в Пурецкой волости мои знания пригодятся. Я работаю над теорией зависимости ссудного капитала от торгового и расчёта ссудного процента. Я знаю, что князь открыл в Париже банк. Думаю, что я буду ему полезен, кроме всего прочего у меня есть предложение князю Пожарскому от Ост-Индийской компании, – опять расшаркивание.

Михаил задумался. Приглашения нет. Англичане давно хотят подобраться к секретам Петруши. Но этот человек не химик. Экономист какой-то. Ладно. Отправим в Вершилово. Пусть Пётр Дмитриевич сам с ним разбирается. Может и впрямь полезный человек.

– Хорошо, Томас, выпишет тебе дяк грамотку на проезд в Вершилово. Там князь уж пусть сам решает, – отпустил экономиста Государь.

– Дозволено ли мне будет заглянуть в тот учебник, Ваше Величество, – замялся Ман.

– Давай, Томас сначала послушаем, что скажет по поводу этого учебника профессор Бригс, – предложил Михаил.

Тимошка перевёл слова царя и видя, что профессор не услышал его поглощённый книгой, вдруг звонко выкрикнул:

– Господин профессор Бригс, к тебе Государь обращается.

Все в палате аж присели.

Генри Бригс вырвался из плена чисел и, выйдя вперёд, поклонился.

– Ваше Величество, вашу страну не знают в Европе.

– Не так, господин профессор, нас ведь называют варварской Московией и дикой Тартарией. Изменилось ли теперь твоё мнение? – рассмеялся Михаил.

– То, что написано в учебнике математики за пятый класс вашей школы не преподают ни в одном университете мира. Что такое школа?

– Там детишек учат. В пятом классе учатся девочки и мальчики двенадцати лет, – добил старикана Государь.

– Девочки! Девочки двенадцати лет изучают метод неделимых, логарифмы и правила для сокращённого умножения. Что же изучают в ваших университетах? Этого не может быть!

Вскипел профессор. Знай наших. Молодец Петруша. Нужно будет Кавальери возвести в дворянский титул, да и остальных, кто сей учебник составлял. И ответить надо так, чтобы до самого Вершилова помнилось.

– Нам, диким варварам, можно девочек учить. Ну, а что изучают в университетах, вам в Вершилово расскажут. Езжайте, господа учёные. Тартария варварская большая страна, так что доберётесь в Пурецкую волость уже к холодам, прикупите в Москве тёплую одежду.

Событие шестое

Князь Дмитрий Михайлович Пожарский прибыл в Полоцк три дня назад. Государь отправил его встречать свою невесту Доротею Августу – племянницу короля Дании Кристиана. Отправил не одного. Встречало датчанку пять князей. И Пожарский был среди них самым младшим. Младшим по чину, по родовитости, по возрасту. Все остальные были боярами:

Татев, Горчаков, Голицын, Черкасский. Скорее всего, Михаил Фёдорович поступил так, чтобы возвысить Пожарского, а получилось наоборот. Эти родовитые смотрели на Дмитрия Михайловича сверху вниз, хоть он всех четверых был выше ростом.

Доротея Августа должна приплыть в Ригу на корабле, а в Риге пересесть на лодью и подняться по Западной Двине до Витебска. До Полоцка принцессу будет сопровождать польский королевич Владислав, а после до Витебска к эскورتу присоединятся и пять людей с русскими князьями. Королевич будет сопровождать датскую принцессу и дальше, до самой Москвы. Только дальше уже до Смоленска, а потом и до столицы, Доротею Августу повезут в карете. Бояре о той карете говорили с придыханием. Таких всего две в Москве, одна у патриарха Филарета, вторая у Государя. Сделали чудесные кареты, понятно, в его вотчине Вершилово. Все четверо думцев сразу же обратились почти хором к Дмитрию Михайловичу, замолвить за них словечко перед сыном, и изготовить и им такие парадные выезды.

Дмитрий Михайлович пробубнил, что-то себе под нос и князья расценили это как согласие, сразу перестали нос задирать. Князь Пожарский вообще поражался, как себя поставил его старший сынок. В свои неполные восемнадцать лет он был на три головы выше по чину любого окольничего. Ему не нужно было сидеть в Думе и прозываться боярином. Он делал практически, что хотел, и всегда имел поддержку царя и патриарха. Эти четверо родовитых и на самом деле уважаемых бояр просто боялись напрямую обратиться к Петруше. Тот ведь может отказать, а это такой удар по чести. И ничего они с ним сделать не смогут. Не просто руки короткие, а как сам Пётр выражается «в носу у них не кругло». Они даже пожаловаться Государю не смогут. Все помнят, чем дело с Колтовским закончилось. Откуда, что взялось? Был пацан пацаном и вдруг третьим лицом в государстве стал. И при этом, ни каких чинов. А деньжищ сколько! Пётр, как и обещал, все деньги затраченные на польскую войну Дмитрием Михайловичем, вернул, да ещё и сверх того подарков наприсылал. Он, поди, ту Речь Посполитую и купить может. Там ведь королей выбирают, а Сигизмунд уже не молод. Шляхта же того на трон позовёт, кто больше вина ей поставит. Только это Петру не надо, и боярства не надо. Ему нужно, как он сам сказал, Русь с колен поднять и самой богатой и сильной страной сделать. Он вон захотел и половина Европы уже сквозь зубы, но «империей» Русь кличет. Не понимал Дмитрий Михайлович сына и побаивался. Нет, вреда Пётр, ему ни какого не нанесёт, наоборот порвёт любого за него. Только страшновато перед людьми. Кого вырастил, да воспитал?

Полоцк, взятый почти без боя, сильно не пострадал от войны, немного опустел, часть шляхты подалась в Речь Посполитую, зато освобождение всех новых земель на два года от налогов заметно оживило торговлю и ремёсла. И польская речь слышалась не редко. Не все уехали. Отличался Полоцк от других русских городов, каменных домов побольше, да мастерских, крыши вон на многих домах крыты черепицей. Ничего, вот со шведами управимся, вернём земли, что по Столбовому договору эти ненасытные к себе прирезали и можно будет и правда Русь обустроить, дороги строить, производства налаживать. Есть, конечно, ещё крымчаки с их регулярными опустошительными набегами, но за последние два года Государь много денег тратит на обустройство засечной черты, а по мере развития торговли и ещё больше денег в казне будет. А, может, Петруша, что посоветует Михаилу Фёдоровичу, как с погаными бороться. Эх, быстрее бы свадьба уж, хоть на ней с сыновьями повидаемся. Государь написал в письме, что всех трёх сыновей его на свадьбу пригласил. Может Пётр и недавно родившегося внука привезёт.

Глава 2

Событие седьмое

«И нет нам покоя ни ночью, ни днём», кажется из «Неуловимых мстителей». Пётр третий день бегал по селу Вершилово и всё равно никуда не успевал. Всем он нужен, все дела без него встали. А по ночам не даёт спать маленький Димка. В этом мире на него орать может, поди, только он, ну и царь батюшка, пожалуй. Вот Дмитрий Петрович за всех и старается. Всё, хватит, натерпелись, завтра переезжаем во дворец. Ну и что, что из почти пятидесяти комнат сорок пять, не готовы, четыре ведь есть. Шутка. На самом деле все западное крыло полностью готово. В центральной части осталось повесить картины, да вазы с бюстами расставить. А вот в восточном крыле продолжают настилать паркет и оббивать тканями стены, шумно всё это проделывая. Только днём он носится по Вершилово, а по ночам строители не работают. А Димка кричит громче строителей. Да, и не долго осталось, обещали за неделю всё закончить.

Вчера Пётр после нокаута математикам сам получил по полной. Французы приехали и уже две недели ждут, когда мальчиш-кибальчиш выдаст им страшную тайну изготовления фарфора и цветного стекла.

– Завтра.

– Что завтра?

– Завтра пойдём на производство, и я вам всё покажу. А потом будете пробовать сделать сами, и как получится, поедете домой, – Пётр смотрел на месье Женю и оценивал противника.

Скорее всего – иезуит. И работает и на правительство Франции и на орден. Только ребята есть одно но, я из ГРУ. И ещё меня нельзя купить, я сам кого хочешь куплю. Что гадать, проверим.

– Месье Женю, а вы не хотели бы стать тройным агентом? – разговаривали они тет-а-тет, товарищ отлично знал немецкий, а Пётр за последние четыре года постарался всё же привести свой хохдойче до соответствия современному верхнесаксонскому диалекту.

– Как это? – Изобразил полное непонимание француз.

– Я не имею ничего против иезуитов. Если вы здесь уже две недели, то должны знать, что среди учёных, перебравшихся в Вершилово, есть представители вашего ордена, – князь специально говорил это медленно, почти по слогам и смотрел на руки месью.

Это в книгах смотрят в упор, в глаза, а генерала Афанасьева учили там, где надо. Смотреть нужно на руки, они человека всегда выдадут.

– Я не понимаю, причём здесь иезуиты, но выслушаю ваше предложение, – а пальцы-то в кулаки сжались.

– Вот и хорошо. Предложение моё такое. В Европе много университетов и просто больших городов, в которых есть типографии. И я уверен, что орден отслеживает все книжные новинки. Мне бы хотелось, чтобы все они попадали в Вершилово. Это первое. Второе посложнее. Среди этих новинок полно мусора и повторений, кроме того меня не интересуют авторы богословских трактатов. Меня интересуют настоящие учёные. Кто-то должен сделать анализ напечатанных за год книг, отсеять плеведа и найти те самые зёрна мудрости. Третье ещё сложнее. Нужно встретиться с этими подвижниками и уговорить их переехать в Вершилово. И четвёртое, нужно помочь им целыми и невредимыми, желательно вместе с семьями, добраться до вожденной Пурецкой волости, – князь продолжал смотреть на руки француз.

Ни каких сомнений, он иезуит, и не из простых. Какой ни будь магистр. Для него было возможно выполнить эти четыре условия, пальцы дёрнулись только на слове «угговорить». Или не хочет, или просто против этого.

– Это огромная работа, ваша светлость. И мне не понятно количество возможных переселенцев. Кроме того не совсем понятна цель. Лучшие уже у вас и продолжают прибывать, – иезуит был не прост.

– У меня даже в Вершилово уже не хватает учителей для школ, а ведь я отвечаю ещё за несколько городков, там тоже есть дети и их нужно учить, кроме того наука не стоит на месте она развивается, появляются новые имена, хотелось бы этих умников заполнить в свой удел, – вспомнил Пётр Пушкина.

– Мне показали ваши школы и учебники. То, что творится в вашем, князь, уделе не подаётся осмыслению, дети в двенадцать лет у вас изучают то, чего не преподают ни в одном университете Европы, я сам окончил университет в Пизе, знаком с Галилеем и профессором Кастелли, но ваш новый учебник физики просто не понял. Я заканчивал богословский факультет, но ходил на лекции этих профессоров, тем не менее, вынужден признать, что сейчас ваши дети изучают то, чего не знают в Европе и даже о многом не догадываются. А что вы можете предложить за мои услуги по вербовке новых учителей для ваших школ и собирание библиотеки, – теперь изучающе смотрел на Петра месье Женю.

– А просто деньги вас не интересуют? – ну, начать нужно с простого.

– Деньги интересуют всех и всегда. А что вы скажите, если в вашу школу поступят несколько учеников, которых я привезу сам, им будет лет по пятнадцать, и если у вас семиклассное образование, то они к двадцати двум его получат, – а этот смотрит в глаза, думает, что сейчас зрачки забегают.

– Легко. Сколько учеников и сколько денег? – игры кончились.

– Десяток юношей и десяток тысяч рублей в год, – месье Женю тоже мило улыбнулся.

– Договорились.

Сумма не маленькая. Для Руси так просто огромная. Если корова стоит рубль, а боевой конь червонец, то десять тысяч это деньги. Но в Европе книги не дешёвы, а мозги вообще оценить невозможно, может один из переселенцев сделает пластмассу, полиэтилен. Это сразу окупит и сотню тысяч рублей.

– С вами приятно иметь дело, ваша светлость. Только давайте немного вернёмся назад, к фарфору, – да противник серьёзный, даже не улыбнулся от радости.

– Я считаю, что ваши люди должны всё попробовать своими руками, чтобы потом не возникло причин нас упрекать. Завтра все они, включая вас, профессора и всех до единого наёмников, будут молоть компоненты необходимые для приготовления фарфора.

– А наёмники зачем? – Не понял француз.

– У нас очень строгие правила в отношении спиртного и вообще поведения в городе. За малейшие нарушения у нас отрезают ухо, за второе прилюдная кастрация. Вы же не хотите, чтобы ваши воины уехали отсюда евнухами, а всё к этому идёт. Пусть они будут заняты весь день и устанут, чтобы вечером думать только о том, чтобы выспаться, – Петру уже доложили, что французы ведут себя на улицах Вершилово, как завоеватели.

– Но они все дворяне и могут не захотеть, – отпрянул иезуит.

– Выбирайте. Могу устроить показательное отрезание уха у де Мулине, он тут на днях пытался приставать к монашке. Зубы ему, конечно, наши милиционеры выбили, но ухо пока не отрезали, ждали, что я решу, – Пётр склонил голову набок, ожидая ответа.

– Я не уверен, – начал было француз, но Пётр его остановил.

– Значит, сегодня режем ухо. В шесть вечера на площади у старого храма.

– Хорошо. Я переговорю со своими людьми. Думаю, что найду аргументы, – дети, верят во всё, что им скажут зловещим голосом.

– Завтра в восемь утра все до единого должны быть в размольном цехе. Парадную одежду лучше не надевать. Работа пыльная.

После француза Пётр решил отдохнуть душой и пошёл к механикам. Эти товарищи почему-то меньше всех его в гости зазывали за последние три дня, значит, что-то не клеится, не получается. И как там в песне про улицы: «Значит нам туда дорога».

Механики возились с паровой машиной. В помещении стоял грохот и свист работающего паровика. Неужели справились. Вот это титаны.

– Пётр Дмитриевич, – увидел его Вильгельм Шиккард, – наконец-то соизволили зайти. Мы тут никак не можем понять, как увеличить обороты. Силы-то у паровика хватает, а вот скорость получается маленькая.

Пётр оглядел конструкцию, понятно.

– Вы же часовщик, неужели не смогли придумать редуктор. Две пары шестерёнок в чугуном корпусе и всё это залито маслом.

– Но здесь огромная сила, – засомневался Йост Бюрге.

– Ну, редуктор можно сделать большим, а шестерни широкими, – пожал плечами Пётр, – нужно только посчитать во сколько раз нужно увеличить скорость. Стоп. Понял я, чего вам не хватает. Коробки передач. Должно быть, несколько шестерён на одной оси.

Бывший генерал Афанасьев любил покопаться в движке и ходовой своей 21 Волги. Нет, он был не фанат этого дела, как некоторые, целыми днями напролёт копающиеся в машине. Но если что-то случалось, то Афанасий Иванович с сыновьями перетрясали старую боевую подругу до последнего винтика, пока не исправляли неполадку.

Пётр прикрыл глаза, вспоминая порядок и размеры шестерён, и на подsunутом ему листке быстро набросал коробку передач от Волги. Немцы сопели за плечом.

– Всё, только нужно количество зубьев на всех шестерёнках посчитать, но ты ведь Вильгельм часовщик, сможешь это сделать, я, честно говоря, не знаю, как их рассчитывать.

– Да, Пётр Дмитриевич, такое ощущение, будто бы вы уже видели где-то такую конструкцию. Признайтесь, – сощурился на него Йост Бюрге.

– Может и видел, – уклонился от ответа Пожарский и вдруг увидел приставленный к стене велосипед.

– Что это? Вы сделали велосипед? – князь бросился к двухколёсному чуду.

– Надо ставить третье колесо, – Людвиг Фойе, махнул рукой, – Я же говорил вам, что он не поедет, человек с него падает, как бы мы ни пробовали.

Пётр обошёл велосипед, покрутил руль, потом приподнял заднее колесо и крутнул педаль. Туго. Нужно немного ослабить цепь, но ездить можно и сейчас. Пётр посмотрел на железного коня ещё раз. Нужно, конечно, из резины сделать ручки на руле и крылья с брызговиками, но это детали. Всё вроде работает.

– Нужно третье колесо, – это снова изобретатель вечного двигателя.

– Нет, нужно просто помолиться богу, – пошутил Пожарский, но по вытянутому лицу Фойе понял, что шутить такими вещами в 17 веке не стоит, но деваться уже было некуда, не отступать же.

– Давайте я сейчас помолюсь правильно, перекрестившись двумя перстами, справа налево, и попробую прокатиться, – предложил он французу.

– Да хоть всей ладонью. Всё равно упадёте, – тоже завёлся француз.

И тут Петру в голову забрела шальная мысль.

– Дорогой Людвиг, давайте поспорим. Если я, правильно помолившись, на нём прокачусь и не упаду, то вы переходите в православие. Если же упаду, то я добиваюсь у Государя для вас княжеского титула и выплачиваю вам сто тысяч рублей, – Пётр, когда всё это произнёс, и сам испугался. Он последний раз сидел на велосипеде в конце шестидесятых годов двадцатого

века. То есть там прошло пятьдесят лет, да тут уже пятый год идёт. Кроме того это ведь тело Афанасьева умело кататься, а сейчас Пётр в чужом теле.

– Если всё дело в молитве, то я согласен. Докажите, что ваш бог сильнее нашего, – гордо выпятил грудь изобретатель.

– Бог один и тот же, но ваши молитвы он не слышит, потому, что вы отошли от его учения, ведь схизматики и ортодоксы, коими вы нас кличете, можно перевести, как верующие по-старому. Ваши папы римские решили, что они умнее остальных и исправили обряды, теперь так же поступили протестанты, у вас во Франции гугеноты. Но теперь католики убивают их за это. Получается, что католикам исправлять обряды можно, а другим нельзя. Нестыковачка. Ладно, закончим теологический спор.

Князь Пожарский прочитал «Отче наш» и, троекратно перекрестившись, взялся за руль.

– Пойдёмте на улицу, здесь места нет, – позвал он механиков за собою, катя велосипед к выходу из мастерской.

На улице Пётр оседлал железного коня, и ещё раз перекрестившись, теперь уже для себя, а не на публику, сел в седло и крутнул педали. И чуть не упал. Не потому, что не сумел удерживать равновесия, а потому, что у педалей оказался очень тугой ход, цепь перетянули. Тем не менее, Пожарский выровнялся и, с трудом вращая педали, поехал по дороге прочь от механиков, стоящих с открытыми ртами. Метров через пятьдесят он развернулся и стал со всех сил крутить педали, набирая скорость. Мимо механиков он промчался уже со скоростью километров двадцать пять в час. Отъехав опять метров на пятьдесят, Пётр снова развернулся и решил проделать трюк из детства, он отпустил руль и скрестил руки на груди. В детстве, чтобы так ездить, они с пацанами специально перетягивали крепление руля, чтобы он вращался туго и не рыскал при езде без рук. Сейчас протягивать руль не нужно было, механики и так его затянули от всей широты души. Улыбаясь, всё ещё стоящим с открытыми ртами учёным, он в третий раз развернулся и проделал ещё один трюк из детства, поджал ноги и поставил их на руль, а руки убрал с руля. И опять чуть не навернулся. Вот это упражнение Афанасий Иванович проделывал последний раз, когда ему было лет восемь, а значит девяносто лет назад. Пришлось ноги с руля снять и подъехать к механикам обычным способом. Те молчали.

Не говоря ни слова, господин Фойе почти вырвал руль у князя и, сам, усевшись в седло, попробовал прокатиться и тут же упал.

– Пойдёмте быстрее в церковь, – отряхиваясь от пыли, предложил Людвиг Пожарскому.

– Господин Фойе, я пошутил, не надо никуда ходить, верьте в бога и справляйте обряды, как вам нравится, в Вершилово никто и никогда не будет принуждать человека сменить веру. Мы специально строим сейчас на одной площади два храма католический и протестантский, чтобы примирить эти два течения в христианстве, – Пётр примиряюще протянул изобретателю руку.

Тот её пожал, а потом вдруг неожиданно для всех, да и для себя, наверное, произнёс:

– Я поговорю завтра с вашим священником. Может схизматиком быть лучше. Мне сильно не нравится, как поступают с учёными инквизиторы. Все слышали, что сожгли Джордано Бруно, но ведь он не один. Да даже у нас в Вершилово живёт мать Иоганна Кеплера, которая чудом избежала костра. Как зовут вашего священника?

– Отец Матвей, он настоятель храма, если вы имеете в виду его, так-то священников сейчас в Вершилово почти десяток, – Пётр и не рад был, что этот дурацкий спор затеял.

– Значит, отец Матвей, – снова выпятил вперёд свою грудь француз.

– Господа, нужно ослабить немного цепь, а потом я каждого научу ездить на этом двухколёсном чуде. Тут нет ничего сложного. Главное выработать в себе чувство равновесия.

Событие восьмое

Капитан Мишель де Нойрей сидел в мягком кожаном кресле в доме своего бывшего однополчанина Рене Декарта и поражался роскоши окружавшей того. Хрустальная чаша с пельменями стояла на столе, в хрустальные рюмки на тонких ножках был налит божественный напиток, именуемый здесь «Байкал», чистейшая водка, настоящая на каких-то травах. Чувствовалась и полынь, и анис, но было и ещё что-то. Крепкий, куда там вино, и при этом приятно пить. На столе стояла ещё и хрустальная ваза с шоколадными конфетами. Накрыть такой стол, наверное, не смог бы и король. Денег не хватило бы. А ещё огромное зеркало. А ещё фарфоровые вазы с эльфийками. Да, всего просто не перечислишь. Если всё это продать во Франции, то можно купить несколько дворцов. Завидовал ли Мишель бывшему сослуживцу. Нет. Что толку в той зависти. Его теперь точно в Вершилово не пригласят, а значит, ничего этого у де Нойрея не будет. И всё из-за этого проклятого де Мулине.

Они втроем, с де Сорте ещё, шли по улице Вершилова и разговаривали, мимо них прошла молодая монашка, и подвыпивший де Мулине вдруг окликнул её и стал приставать. Капитан уже прошёл чуть вперёд и стал звать де Мулине. А тот упёрся, попытался обнять монашку и уцепился за задницу. Та в крик и слёзы. Вот тут и появились эти мальчишки. Их тоже было трое. Одеты они были, как и все русские в длинные кафтаны, а на рукавах были красные повязки. Парни были без оружия. В Вершилово вообще редко можно увидеть вооружённого человека. Один из мальчишек подошёл к де Мулине и попросил его на хорошем французском оставить монашку в покое, а самому срочно идти домой, так как пьяным ходить по улице нельзя. Анри, чтобы у него выпали последние зубы, отмахнулся от пацанов и ухватил монашку за подол, когда та попыталась ретироваться. Один из пацанов оттолкнул де Мулине и тот вытащил шпагу и пошёл на мальчишку. Всё последующее произошло за считанные секунды. Парень кувыркнулся в ноги Анри, как-то своими ногами заплёл ноги мушкетёра и когда тот завалился на спину, ударил его кулаком по зубам, потом перевернул потерявшего сознание бедолагу и, заломив ему руки, стал вязать неизвестно откуда взявшейся верёвкой. Де Нойрей с де Сорте бросились на помощь, но двое других юнцов преградили им путь. Де Сорте тоже выхватил шпагу, но в это время тот, который связывал де Мулине, достал свисток и пронзительно засвистел в него. Из всех ближайших домов стали выбегать люди и французов быстро скрутили и отвели к воеводе. Этот звероватый поляк опросил пацанов, и попросил одного из них перевести для де Нойрея.

– Вас двоих сейчас проводят в казарму, где вы разместились, а этого героя мы оставим здесь, пусть князь Пожарский с ним разбирается, положено по закону ухо ему отрезать завтра вечером на площади, но вы послы. И молитесь богу, капитан, что милиция рядом оказалась, если бы этот урод что-то сделал монашине, я бы лично кастрировал его уже сегодня, а вам двоим, отрезал уши. Пошли вон.

С того момента прошло три дня, вернулся откуда-то с юга князь Пожарский и де Мулине отпустили, правда вид у него был, краше в гроб кладут. Все четыре передних зуба выбиты и синяк во всё лицо, и это сделал сопляк одним ударом.

– Вам на самом деле повезло, дорогой Мишель, вы даже не представляете, на что способны вершиловские стрельцы. Одного из них, причём любого по выбору, хватит, чтобы перебить оба ваши десятка, и он при этом даже не вспотеет, – сказал Декарт, выслушав историю.

– Что ты говоришь Рене, не может один человек справиться с двадцатью воинами. Да, даже с ополченцами и то не сможет, – махнул рукой капитан.

– Ещё раз повторяю, стрелец даже не вспотеет, – Декарт говорил спокойно, и Мишель тоже успокоился, взял полную рюмку «Байкала» и выпил одним глотком.

– И как же он справится с двадцатью вооружёнными мушкетёрами? – капитан закусил парочкой пельменей, – Восхитительно, – он обмакнул третий пельмень в соус, – Ты, правда, изобрёл этот декартез?

– Скажем так, я рассчитал точное соотношение всех ингредиентов. Что же касается стрельца, то он бы поубивал ваших солдат специальными метательными ножами, – Рене снова наполнил рюмки, – Сегодня останешься ночевать у меня, по улицам Вершилово нельзя ходить пьяным.

– Что у вас здесь за зверские законы? – вспыхнул Мишель.

– Мне они нравятся. Я здесь почти год, и за этот год в десятитысячном городе не было ни одного преступления. Ты можешь себе это представить? Нет нищих, нет калек у храмов, нет пьяных, здесь не перегораживают ночью улицы. Если ты потеряешь здесь кошелек, и на нём будет твоё имя, то тебе его вернут. Сам был свидетелем такого случая. Это город мечты. Это сказка. Ты не видел, как прекрасен он летом, когда все улицы заставлены бочонками с цветущими розами и другими цветами. Тут даже пылинки с дороги сдувают. Обо всём не рассказать. Но могу сказать точно, человек, проживший в Вершилово хотя бы несколько месяцев, ни за какие деньги не захочет отсюда уехать.

Де Нойрей грустно кивнул и потянулся за следующим пельменем. Проклятые русские, как они научились делать такие вкусные вещи. Рене дал ему, пока накрывал на стол, попробовать варёную кукурузу с солью. Ничего вкуснее Мишель не пробовал, а теперь вот ещё и пельмени с декартезом. Он не встанет из-за стола.

– Слушай, Рене, сам канцлер Брюлар попросил меня узнать одну вещь, – капитан потянулся было за следующей рюмкой, но титаническим усилием воли руку убрал и вместо водки взял печенку, очередная вкуснятина, – Как эти русские захватили тринадцать городов у поляков без осадной артиллерии?

Декарт тоже поставил уже взятую рюмку на стол и тяжело посмотрел на боевого товарища.

– Ты скажи канцлеру, что последнее, что должна делать Франция, это вступать в войну с Россией. Мы, именно мы, я сам вступлю в ополчение, просто размажем вас, как кашу по тарелке. А про города всё просто. Я ведь взял с собою для охраны два десятка солдат, так вот, их тут уговорили остаться и послужить в роте наёмников в Вершилово пять лет. Все согласились. И буквально через пару дней весь вершиловский полк, и мои ребята в том числе, отправились на эту войну. Двоих убило, одного серьёзно ранило, остальные вернулись целыми и здоровыми. Так вот, они и рассказали мне, как брали шесть городов, в том числе два больших. В Вершилово есть три десятка стрельцов, которых тренируют особо, их здесь называют «спецназ», что переводится как отряд специального назначения. В нём, в этом отряде, десять лучников ...

– Лучников? – Перебил де Нойрей сослуживца, – Кому сейчас нужны лучники? У вас не хватает мушкетов?

– Это особые лучники, а русские мушкеты настолько лучше французских, насколько эти конфеты лучше куска дерьма, – вспыхнул Декарт.

– Ну, ну, Рене, продолжай, – похлопал математика по плечу капитан.

– Так вот, в отряде десять лучников, которые за половину минуты выпускают десять стрел и все они попадают одна в другую. Двадцать остальных стрельцов вооружены пистолями и метательными ножами, ну и у всех есть сабли. Ваши шпажонки не могут противостоять их саблям, все они изготовлены из толедской стали и ещё и специально закалены хитрым способом. Они просто перерубят шпагу, – Рене поднял руку, останавливая капитана, который хотел опять выразить своё мнение, – Эти спецназовцы подкрадываются ночью к городской стене и забрасывают на неё верёвку, забираются по ней, вырезают охрану ворот и запускают в город основные силы.

– А если город будет начеку и ждать их вылазки, – усмехнулся Мишель.

– Так и случилось в Рогачёве, там был польский генерал князь Радзивилл. И всё равно они взяли и город и генерала в плен. Эти тридцать человек перебили больше двух сотен поляков и всё равно открыли ворота. И у них всего одного убили. А ведь остальной полк хоть и уступает этому спецназу, но не сильно. Два года назад сотня этого полка положила больше тысячи шведов и не потеряла ни одного человека. Даже раненых не было. А шведы были далеко не ополченцами, был полк и рота драгун. Несколько сдавшихся они нарядили в женские платья и отпустили. Повторяю, передай Брюлару, что связываться с Российской империей самоубийство.

– Если они так сильны, почему до сих пор не захватили всю Европу? – всё ещё недоверчиво спросил капитан.

– Если честно, то я думаю, что такой полк у России один, остальные хуже вооружены и подготовлены, но сейчас в Вершилово полно князей и маркизов и они учатся. Думаю, через какое-то время все их полки будут такими же. А насчёт Европы? Она русским не нужна, в войне с Польшей они вернули свои города захваченные Речью Посполитой несколько лет назад. Сейчас они готовятся отбить у Швеции тоже свою бывшую территорию, – Декарт наполнил рюмку и выпил одним долгим глотком, – Мишель, сколько вы добирались из Парижа до Вершилово?

– Два месяца, если выбросить неделю, что мы провели в этой Москве, – Капитан тоже выпил всё-таки свою рюмку.

– От Вершилово до восточной границы Российской империи нужно добираться два года. Она там граничит с Китаем. Представляешь, какая огромная территория, а с севера от Архангельска, до Каспийского и Чёрного моря тоже больше тысячи лье. Им не нужна Европа.

– Но тут сплошные леса и степи, а там города. Париж! – капитан поднял глаза к потолку.

– Мне иногда снится сон, что я возвращаюсь в Париж. Я просыпаюсь в холодном поту, – Декарт перекрестился, – Грязный, вонючий, полный вора и калек, полный нищих и попрошайек. Город, где на тебя сверху могут вылить содержание ночного горшка или выбросить из окна помой. Город, где все нечистоты сбрасывают в реку, которая течёт в самом его центре. Сена покрыта пузырями от гниющих на дне отходов жизнедеятельности парижан. От людей воняет, потому что они не моются годами. По парижанам стадами ползают вши и блохи. Дома полны крыс, мышей, клопов и тараканов. Мишель это страшно. Даже если меня выгонят из Вершилово, я не вернусь в Париж. Вас ведь три дня продержали в карантине, избавили от вшей и блох, вы живёте в казарме, где нет клопов и прочей мерзости. Может, ты тоскуешь по вшам и клопам? – бывший сослуживец сделал вид, что поймал на себе блоху и пересадил на капитана.

Де Нойрей слушал Декарта и сравнивал Вершилово с Парижем. Они здесь уже больше двух недель и успели многое повидать. Но вот теперь, когда математик и изобретатель вкуснейшего соуса всё так красочно описал, Мишель понял, что друг прав. Де Нойрей вспомнил экзекуцию, которую тут называют баней, и усмехнулся, не зря терпели эту невозможную жару. Вшей действительно убили. И блох тоже. И спишь всю ночь как убитый, никто по тебе не ползает. И улицы настолько чистые и красивые, выложены этим бесподобным цветным кирпичом в различные узоры, что по ним боязно ступать, ещё испачкаешь. Что ж, может Рене и прав.

– А тебе не хочется преподавать в Сорбонне? Здесь ведь даже нет университета, – нашёл последний довод капитан.

– Сорбонна. Это скопище бездарей и лодырей. Ты не представляешь, насколько школьники Вершилово отличаются от наших студюзов.

– Но ведь они дети, – махнул рукой Мишель.

– Точно, они дети. Я сейчас веду уроки для пятиклассников. Им всего по двенадцать лет. Но! Они сейчас изучают по физике, математике и астрономии то, чего не знает ни один профессор в Сорбонне. И они учатся, как проклятые. Они просто не могут себе представить, как это не выполнить домашнее задание, не решить задачу. У меня тут есть дружок. Он учится всего во втором классе, и ему плохо даётся произношение французского. Слова выучил, а

произношение хромает. Так он сам в свои восемь лет пришёл ко мне и попросил помочь. Ты способен себе представить такого восьмилетнего француза? – Декарт налил снова в рюмки, но пить не стал.

– Но тут нет даже публичного дома! – нашёл ещё один козырь капитан.

– Я подумываю о том, чтобы жениться, и обязательно на русской красавице. Француженки страшные, немки чопорные и тоже не красавицы. А русские девушки очень красивы и они весёлые. Идут впереди тебя по улице в церковь и хохочут. Непременно женюсь на русской, – Рене помолчал и продолжил грустно, – Сегодня князь Пожарский прочитал нам лекцию по математике. Ты не поймёшь. Я целый год, как проклятый учил русский язык и думал, что уже многого достиг. А вот слушал лекцию и корил себя за то, что не вставал на час раньше и не учил язык. Это был просто рывок вперёд в математике. Его многие даже не поняли. Переводчики и то путались. Эту лекцию нельзя прочитать в Сорбонне. На французском нет половины этих слов и понятий, и на латыни тоже. Этот князь великий математик. Я считал, что лучший из нас это Кавальери, потом, скорее всего, Пьер Эригон, ну и я. Вот, может только мы втроём и поняли до конца всю лекцию. Это не передать словами. Он двинул математику на сто лет вперёд. Когда мы все вместе напишем учебник по этой лекции за шестой класс, то ни один профессор математики во вшивой Европе не сможет понять тринадцатилетнего ребёнка из Вершилово. Это как дикарю рассказывать про косинусы и логарифмы. Он просто таких слов не знает и в его языке эти слова в ближайшее время и не появятся. Сорбонна! Будут расстреливать, не поеду. Пошли спать, Мишель. Мне завтра учить детей логарифмам, а тебе молоть песок, – засмеялся Декарт.

Событие девятое

Захария Копыстенский сидел в кабинете князя Пожарского в Академии Наук на стуле напротив хозяина кабинета и разглядывал того. Князь тоже внимательно глядел на священника. Первым не выдержал игру в гляделки Захария. Он кашлянул, прочищая горло, и сказал:

– Чудесный город ты, построил Пётр Дмитриевич. Ты мне скажешь сейчас, что строили град сей, зодчие Шарутин, да фрязин Модерна, да управляющие твои Зотов и Крчмар. Конечно, они строили. Только построил ты, князь. Все четверо великие мастера. Думаю, лучшие в мире-то. Но было у меня время, почти три месяца здесь уже. Хожу, любуюсь, вечером добреду до фонтана, сяду на скамеечку среди розовых кустов, слушаю, как дети на десятке языков друг с другом перекрикиваются, играют, и так мне на душе хорошо делается. Почти кущи небесные, – Захария перекрестился и продолжил, – Недавно из Франции приехал ещё один архитектор, говорят лучший в их королевстве. Жак Лемерлье его зовут. Так он вторую неделю ходит по Вершилово с открытым ртом. Только он вторую неделю, а я третий месяц, а все никак закрыть не могу.

Захария и правда, третий месяц не уставал удивляться. Даже и не в сказку попал. Сказки ведь люди сочиняют. Там они могут только то расписать, что сами придумать могут. А Вершилово придумать человек не сможет. Тут на каждом шагу чудеса. Один только храм кирпичный с мозаикой на стенах чего стоит. Копыстенский осмотрел и законченную Модерной синагогу. Слов нет, красота какая, даже завидно тем евреям. Только собор Святой Троицы и краше и к богу ближе, и, несмотря на необычность, русский он.

Копыстенского вместе с двумя его учениками поселили в просторном двухэтажном терему. Терем тоже был кирпичный, вернее, обложен снаружи кирпичом и крыша крыта черепицей и огромные стеклянные окна. Красота. Тоже маленькое чудо. А печи, что внутри, целых три, одна для приготовления пищи и две для тепла. Понятно, север здесь, зимы лютые бывают. Помогать по хозяйству монахам дали женщину лет сорока пяти и внучка её Кириллку. Женщина недавно переехала в Вершилово из-под Арзамаса. Там у неё дом сгорел, а вместе с домом

и сын с невесткой и двумя детьми, только Тамара да внучок её и спаслись. И в очередной раз подивился Захария князю Пожарскому. Оказывается, есть у него человек специальный, который находит по всей губернии таких вот Тamar и перевозит в Вершилово для домашней работы. Так бы и сама сгинула, да и Кириллка не зажился бы в сиротах. Теперь вот в тепле и сытости, а мальчик в школу ходит, ныне уже месяц первый класс посещает, уже и читать выучился. Монах посмотрел на учебники, что выдали ребёнку в школе и ахнул. Разве можно красоту такую дитяти доверить, он ведь слаб разумом ещё, не понимает, какую ценность в руках держит. Захария сходил в ту школу, посидел на всех уроках, и в первом классе и во втором и во всех следующих, и на всех уроках. После третьего класса перестал он понимать, что учителя детям говорят, вроде бы и на русском языке, а слов незнакомых тьма. Очень многие учителя ещё плохо русский знали и к каждому переводчик приставлен и переводчики те в основном одиннадцати и двенадцатилетние дети, девочки в том числе. Они сами учатся и ещё и толмачами работают, за что плату получают. Копеечку в дом несут. Опять чудо.

– Отец Захария, – вырвал его из плена дум князь Пожарский, – У вас, я знаю, есть две книги написанные, можно ли мне их получить почитать.

– Отчего же нельзя, сегодня же и пришло. Только страхолюдны они по сравнению с теми, что книгопечатник Шваб выпускает, – Захария надеялся, что князь разрешит и его книги издать у Шваба.

– Отче, есть у меня мысль одна, – не поддержал его планов Пожарский, – Ведь нас называют схизматиками и ортодоксами. Получается, что мы верим по старому, а Ватикан отошёл от истинной веры и погрузился в ересь. Нет ли книг, которые всё это изобличают и нельзя ли их перевести на русский и издать у нас?

Захария задумался. Вопрос по существу был не нов. Все течения в христианстве доказывают, что правы именно они. Есть такие книги и у православных. Но он не привёз с собою библиотеку, что хранится в Киево-Печерской лавре.

– Можно попытаться найти эти книги в библиотеке Кремля или послать за ними в Киев, – неуверенно предложил Копыстенский.

– А написать такую? И не для взрослых, а для детей, чтобы эту книгу изучали в наших школах, – князь махнул рукою в сторону окна, – И ещё, отче, нужен нам учебник по истории христианства вообще. Для детей. Осилишь ли такой?

Захария улыбнулся. Вот теперь он понял, что от него нужно этому странному князю.

– Не слишком ли много знаний для детей? Сказано же: «Во многие знания – многие печали».

– Слова эти не о том, что знаний нужно бояться. Так можно договориться, что лучше всех живётся весёлым дурачкам. Эти слова о том, что грамотный человек не может жить спокойно. Ему нужно помогать другим стать грамотными. Он должен научить ближних, жить по другому, а это всегда не просто. Люди ленивы в большинстве своём. Нужно прилагать усилия, чтобы их растормошить, вот об этом сказано в книге Экклезиаста царём Соломоном.

Копыстенский склонил голову, соглашаясь с князем, а тот продолжал.

– Вокруг Вершилово полно сёл, где священники не учат детей, и сами грамоты не разумеют. У меня не сложились отношения с бывшим митрополитом нижегородским Никодимом. И он не помогал мне, – князь потрогал шрам на левом виске.

Захария эту историю уже знал, рассказал, тот же отец Матвей, настоятель здешнего храма.

– И при чем здесь я. От меня, чего ты ждёшь, сыне? – сощурился монах.

– Нужно в Вершилово, не дожидаясь открытия семинарии, начать учить священников из окрестных сёл грамоте и помогать им начинать учить детей в своих приходах, – вздохнул Пожарский, – Тяжело Русь ото сна пробудить. Я вот каждый год по два раза проплываю по реке мимо Чебоксар. И того восемь раз мимо проплыл. И ничего в тех Чебоксарах за эти восемь раз

не поменялось. Землянки, да плетни кривые, да несколько тощих коровёнок пасутся. Словно и нет Вершилова в ста верстах всего от них. Помогать мне нужно Русь растормошить.

Они ещё поговорили с князем и Захария ушёл. Двойственное ощущение было у священника. Он до сего дня воспринимал православие, как веру. Единственно правильную веру в Господа. Князь же понимает всё по-другому.

– Весёлый дурачок, – проговорил себе под нос Копыстенский.

Он дошёл до своего нового дома и не стал заходить, сел на удобную лавочку у калитки и смотрел, как из школы домой возвращаются дети. Они весело махали сумками с учебниками, смеялись и спорили о чём-то на десятке языков сразу.

– Я просто «весёлый дурачок». Даже не так. Я возомнивший о себе дурак, – Захария шлёпнул себя ладонью по макушке и пошёл писать учебник. Учебник по истории христианства для детей.

Событие десятое

Томмазо Кампанелла вышел из кареты, поддерживаемый за руку кардиналом, и прикрыл глаза. Холодное осеннее солнце пыталось передать узнику толику тепла. Монах подставил ему лицо. Хорошо! Они добрались. Путешествие длилось уже четвёртый месяц. Какой всё-таки необъятный мир.

– Что там, Ваше Высокопреосвященство? – Томмазо открыл глаза.

Их отряд остановили русские. Русских было всего двое и это место можно было бы назвать городскими воротами. Там впереди в нескольких сотнях футах уже виднелись кирпичные дома под черепичными крышами, и над всем городом возвышался и сверкал на солнце семью разноцветными куполами и золотом величественный собор. Красиво.

– Эти варвары не знают ни латыни, ни немецкого, вы знаете французский, отец Томмазо, попробуйте. Я понял, что у них эпидемия, они что-то твердят про карантин, – папский нунций кардинал Доменико Арсини отошёл от стражников и стал разглядывать то, что служило воротами в город, двух огромных вырезанных очень искусно из дерева медведей, вставших на задние лапы.

Городской стены вообще не было. И это был первый русский город, в котором её не было. Даже не так, за четыре месяца это вообще был первый город без стены. Они добирались из Рима до Венеции, потом до Вены, дальше до старой столицы Польши Кракова, потом польские же Львов и Киев. Везде стены. В Киеве они пересели с кареты на кораблики и поднялись по реке Десна до Курска. Это уже была Московия, или как они сами себя стали именовать Российская империя. В Курске они снова пересели в карету, а их сопровождение на лошадей. Дальше были города Елец, Ряжск и Шацк. Такие названия и не выговоришь. В Шацке снова пересели на местные галеры, именуемые «лодья», и добрались до Нижнего Новгорода по рекам Цна и Ока. Везде городские стены, пусть даже деревянные, и пусть в некоторых городках и защищать-то нечего, такая там нищета. Но стены.

Этот маршрут кардинал выведал у купцов, что торгуют с Пурецкой волостью. Сейчас это самый выгодный маршрут, на товарах отсюда можно сделать состояние за одну поездку, а некоторые купцы уже и по три совершили. Говорят, что эта Пурецкая волость появилась всего три года назад. А теперь даже последний мальчишка в Европе знает это непроизносимое словосочетание. И вот они добрались, снова пересев в Нижнем Новгороде в карету.

Последний участок пути шёл по необычной дороге. Такой великолепной дороги нет нигде в мире. Они с кардиналом Арсини несколько раз выходили из кареты, чтобы посмотреть, как сделана эта чудесная дорога. А вот тут очередная неожиданность, город охраняет не стена, а всего два стражника, да два деревянных медведя. И это самый богатый, если верить купцам, город в мире.

Томмазо обратился к стражником по-французски и неожиданно один из них ответил на чистейшем французском.

– В город мы вас запустить не можем. Сначала проедете в карантин вон по той своротке, – и стражник указал на ответвление от дороги, которое они только что проехали.

– У вас эпидемия? Чума? – испугался Кампанелла.

– У вас чума. У нас всё нормально, – засмеялся стражник.

– Но у нас нет чумы, – не понял Томмазо.

– В карантине вас вымоют и прожарят одежду, а доктора осмотрят на предмет болезней, – охотно пояснил стражник.

– Это папский нунций кардинал Доменико Арсини, а я Томмазо Кампанелла, у меня есть приглашение от князя Пожарского, а Его Высокопреосвященство посол самого Ватикана, – представился заключённый.

Томмазо всё ещё был в ручных кандалах. Кардинал объяснил, что это условие, которое выставили эти ортодоксы. Когда они уже в дороге разговорились и практически подружились с кардиналом, тот с усмешкой сказал, что русские купили узника за триста экю, вернее за двести экю и сто русских рублей. Сначала Кампанелла не поверил. Тогда Доменико Арсини рассказал всю историю с сундуками из Пурецкой волости и просьбой переправить заключённого философа вот сюда. Дикость. Его продали. Только зачем он русским? Старый калека. Томмазо даже писать мог, только привязав гусиное перо к руке. Его искалечили на дыбе, выбивая признание в ереси. Но не сломали. Его насаживали на кол. Но не сломали. Его продержали в подземной тюрьме в сырости и плесени, среди крыс и огромных тараканов больше двух десятков лет. Но не сломали. И вот продали ортодоксам. Зачем?

Кардинал на этот вопрос узника пожал плечами и сказал:

– Я думаю, они хотят вас освободить.

– Тогда почему меня заковали в кандалы? – философ позвенел ими.

– В письме было указано, что нужно доставить заключённого в Пурецкую волость, – папский нунций сморщился, – Я участвовал в обсуждении с пятью протонотариями и самим папой, отправлять ли вас, отец Томмазо, русским. Все считали, что они там хотят вас прилюдно освободить и тем самым нанести ущерб папскому престолу.

– Если это так, то почему же я еду к ним? – удивился узник.

– Слишком высока цена, – криво улыбнулся кардинал.

– Триста экю? У Ватикана так плохо с деньгами? – Кампанелла отказывался верить в услышанное.

– Триста экю и три вазы, а ещё просьба патриарха и князя Пожарского. Любого из четырёх перечисленных хватило бы, а тут всё вместе. Ни какой урон престолу не сможет перевесить даже просто просьбу этого князя. Вы там, в тюрьме, сильно отстали от жизни, дорогой Кампанелла. И давайте на этом закончим. Приедете и сами всё поймёте, – вдруг резко ответил папский нунций и отвернулся к окну.

Стражник выслушал Томмазо и спросил, чего тот добивается, всё равно в Вершилово без пребывания в карантине не попасть. Это закон, который сам князь Пожарский и установил.

– Может быть, вы всё же доложите ему о визите папского нунция, – кивнул узник на стоящего рядом кардинала.

– Я съезжу в Вершилово, – пообещал француз и пошёл за конём.

Когда он его вывел из-под навеса, то все двадцать пять гвардейцев Ватикана зацокали языками от зависти. Это был вороной арабский скакун достойный конюшни герцога или даже самого дожа Венеции. Вскочив в седло, стражник поскакал к городу, а папский нунций и узник вернулись в карету. Солнце, обласкавшее Томмазо своими лучами, скрылось за тучу, и закапал мелкий нудный дождь. Осень. Осенью идут нудные мелкие дожди. Даже в солнечной Италии, что уж говорить о холодной Московии.

Стражника не было долго, наверное, с час. А, приехав назад, он не обрадовал путников.

– Езжайте в карантин. Князь Пожарский подъедет туда через полчаса, – и он опять махнул рукой на своротку с дороги.

– Что ж, – выслушав перевод, усмехнулся кардинал, – Этот князь истинный византиец, всё равно добился своего, теперь, чтобы с ним встретиться нам точно нужно будет ехать в этот карантин.

Князь Пожарский был молод, высок и здоров как бык. Мышцы так и ходили под его верхним длиннополым кафтаном. А вот разговора с ним не получилось. И не потому, что он не знал латыни или французского. Он отлично владел одним из диалектов немецкого, а этот язык знали и папский нунций и Кампанелла.

– Я рад, что вы благополучно добрались до Вершилово. Только пустить в город без карантина не могу. Вы в дороге почти четыре месяца, пыльные и грязные, сейчас вас отведут в баню, где вы вымоетесь...

– Но я посол самого Папы Римского, – почти выкрикнул Арсини.

– Да хоть сам папа. По вам табунами ползают вши и скачут блохи, а в швах вашей одежды кишат платяные вши. Вам это нравится. Мне нет. Вы сейчас пройдёте в баню, и сдадите всю одежду на прожарку. Всю – это значит всю. До последнего носового платка и ночного чепца. Сами же вымоетесь с мылом в горячей воде и посидите в парилке, столько, сколько скажет вон тот банщик. Если будете сопротивляться, то это сделают насильно, и не оглядывайтесь на ваших гвардейцев, с ними поступят точно так же. Потом вас проводят в дома, накормят и уложат спать, скоро вечер, пока вымоетесь, стемнеет. Завтра придут с утра доктора и осмотрят вас на предмет сифилиса и гонореи, а также других болезней. Если вы здоровы, то вечером снова попаритесь в бане и опять прожарите все вещи, для уверенности, что все насекомые погибли. Вы, кстати знаете, Ваше Высокопреосвященство, что тиф передаётся именно вшами, а чума мышами и крысами. Мне этой радости в Вершилово не надо. Дальше. Послезавтра с утра за вами обоими приедет карета и отвезёт в Вершилово. И опять не ко мне. Она отвезёт вас к травницам. Не ведьмам, господин кардинал, а именно к травницам, у них лечились и наш патриарх Филарет и наш Государь император. Они пропишут вам целебные настои, и вы будете их пить. С Томмазо Кампанеллой всё понятно, его почти с того света доставать надо, а вам, Ваше Высокопреосвященство, это надо для того, чтобы вы живым и здоровым добрались назад до Рима. Вы будете носителем важной информации, и я хочу, чтобы эта информация дошла до Его Святейшества. Поэтому вам нельзя простыть и умереть по дороге назад, а она предстоит зимой. Это не ваша зима. Это наша зима. А теперь дорогой посол разрешите откланяться и снимите, пожалуйста, кандалы с философа, хватит издеваться над человеком.

Князь ушёл, а Кампанелла стоял и смеялся сначала про себя, а потом и вслух. Есть бог. И не всемогущ папа Римский, а уж тем более его нунций. Эти схизматики и ортодоксы плевать на него хотели. Они умнее и сильнее. Они просто выше. Томмазо понравилось, как стоял и слушал этого «варвара» кардинал, высоко задрал голову и открыв рот. Есть бог.

Событие одиннадцатое

Пётр Дмитриевич Пожарский торопился, до отъезда в Москву на свадьбу Государя нужно успеть сделать очень многое. А завтра ко всему этому ещё и посол Ватикана прибавится. Первым делом князь зашёл к Швабу. Типография всё расширялась и расширялась. Улучшались печатные станки. Йост Берги со своим коллективом, пока Петра не было, успел и сюда заглянуть, после чего и появились новые печатные станки. Производительность сразу раза в четыре увеличилась. Пётр нашёл книгопечатника в наборной. Тот с помощниками и президентом Ака-

демии Наук как раз исправлял гранки учебников по математике и геометрии. Вернее пока не исправлял, а только удалял старые значки и слова. Новые литеры ещё не отлили.

После знаменитой лекции по математике Михаэль Мёстлин среагировал правильно. Бегом примчался к Петеру Швабу и приостановил дальнейшее печатание всех учебников по математике и геометрии. Исправления же начал с самых последних, там новых символов было больше всего. Пожарский посмотрел на работающих и снова укорил себя. Он ведь все эти символы знал и в прошлом году, почему не обратил внимание. Да, потому что всё бегом, поездки отнимали больше половины времени. Надо с ними завязывать. Вот скатается на свадьбу царя батюшки и больше до шведской войнушки из Вершилово ни ногой.

Князь принёс Швабу две новые книги в печать. По дороге до Мариинска, там, и по дороге назад он всё свободное время уделял первым русским писателям. Муромский губной староста Дружина Юрьевич Осорьин – автор «Жития Улиании Осорьиной», и инок Парфён Ожогов написали всё-таки «Приключения Буратино». Правда, как не исправлял Пётр их творение, как не пытался приблизить к разговорному языку, эти двое всё равно сползали в свои: «Иже», да «токмо». Пришлось уже готовый труд снова перечеркнуть весь и уже литераторам не отдавать. После Буратино Пётр рассказал им «Волшебника Изумрудного города». Не американский вариант, а русский писателя Волкова. «Волшебник страны Оз» не имеет достойных продолжений, там всякая чушь про летающие диваны, а Волков целых шесть книг замечательных написал. И про подземных королей и про жёлтый туман и даже про инопланетян. Все их старый генерал десятков лет назад читал внукам. Те приезжали к нему на дачу, и вечерами они устраивали чтение сказок. Были среди этих сказок и все шесть книг про «Волшебную страну». Только действие книги Пётр из Канзаса перенёс в Нижний Новгород, а волшебную страну на Урал. Нужно Родину популяризировать. Книги потом переведут на другие языки и будут продаваться по всей Европе, вот пусть и мечтают их дети попасть на Урал.

Учитывая предыдущие ошибки, первые русские писатели-сказочники справились со второй книгой быстрее. Пётр при этом поймал себя на мысли, что у него бы, наверное, самого даже лучше получилось, но ведь это не последняя книга. Теперь этот тандем творит продолжение «Волшебника Изумрудного Города». Пожарский рассказал им «Деревянные солдаты Урфина Джуса» и теперь ждал для правки третью книгу. То, что занимается он неприкрытым воровством, Пожарского ни капли не задевало. Во-первых, он так изменил уже историю и ещё её изменит, что учёный Волков может и не родиться, и тогда дети останутся без этих чудесных сказок. А во-вторых, если всё же писатели Волков и Толстой появятся, то пусть они напишут другие сказки, писатели же они, в конце концов. Тем более что Толстой и сам своего Буратино слизал с Пинокио, а Волков со «Страны Оз». Буратино адаптировать под Русь Пётр не стал, уж больно не российский сюжет, пусть он остаётся итальянцем.

Передав Петеру две книги, Пожарский полетел дальше. Он всё никак не мог добраться до господина Янсена, а тот ведь получил-таки желатин. Пока есть яблоки нужно срочно попробовать сделать зефир. Провозились они с Патриком целый день. Пётр видел, как делает зефир его невестка Катерина и видел не раз. На даче росло больше десятка яблонь и сырья для этого лакомства хватало. Только видеть со стороны и сделать самому, оказалось две большие разницы. Но ведь получили. Растворили в сахарную пудру белый сахар, присыпали и, попивая кофе, закусывали зефиром. Красота.

– Патрик, ты и в этот раз не захочешь сам организовать производство? – спросил князь довольного, как кот объевшийся сметаны, голландца.

– Нет, Пётр Дмитриевич. Пришлите человека, я ему всё расскажу и первое время буду помогать. А вы мне подкинете ещё задачку. Это моё. А налаживать производство и грести деньги лопатой это не моё, – засмеялся аптекарь.

– Деньгами-то и за изобретения не обидим, – усмехнулся Пожарский.

– Так есть, Пётр Дмитриевич, у вас ещё для меня задачка, – и Янсен демонстративно закатал рукава.

– Да, целая гора. Давайте начнём со сгущённого молока. Берёте молоко пожирнее, добавляете много сахара, и всё время, помешивая, загущаете это до консистенции сметаны. Потом попробуйте туда добавить порошок какао бобов или кофе, только, чтобы осадка не было. Когда получите, покажите, вернее, дадите попробовать. После сгущённого молока будем делать конфеты ириски из того же молока и сахара, только пропорции другие. Ладно, дорогой Патрик, загостился я у вас, завтра пришлю человечка, что будет вместо вас деньги лопатой грести, выпуская зефир. Побежал. Скоро вечер, а я ещё обещал к композиторам зайти.

Композиторы ждали. Раз князь Пожарский обещал зайти, значит зайдёт. Пётр и зашёл. И остолбенел. Все люди, так или иначе связанные с музыкой собрались в актовом зале Академии Наук, и едва он переступил порог, как музыканты грянули «Калинку-малинку». Четыре скрипки, альт, флейта, гитара и гусли. Тот ещё оркестр. Но получилось красиво. А когда итальянцы с чудовищным акцентом ещё и запели, вышло вообще божественно. Потом музыканты сыграли ещё несколько песен из тех, что он им напевал, а сам композитор Феррари красивым баритоном пел. «Катюша», «Вьётся в тесной печурке огонь» и другие песни военных лет, Пётр помнил их лучше всего. Правду говорят, что в старости хорошо помнишь далёкое и быстро забываешь вчерашний день. Вот память услужливо и выложила песни военной молодости. Только слова были другие, Клавдио Акиллини написал уже на существующую музыку стихи и теперь Феррари пел их на итальянском. Пусть песни не про войну, зато красиво и так как итальянского Пётр не знал, то представлял себе снова боевую молодость, товарищей, давно погибших или умерших уже после войны.

Надо сделать так, чтобы немцы не создали единого милитаристского государства и не развязали две мировые войны. А ещё нужно не допустить создания Соединённых штатов и английского монстра, в котором никогда не садится солнце.

А музыканты молодцы, нужно им премию выписать, и концерт устроить, как только экспедиция на Кара-Богаз-Гол вернётся. Люди заслужили оvation.

Глава 3

Событие двенадцатое

Кардинал Арсини был зол, подавлен и ... полон надежд. Карантин закончился. Его почти убили в той бане. Жара в ней стояла настолько жуткая, что Доменико сомлел. Здоровущий русский, что мучил его, выволок папского нунция на улицу и прислонил к стеночке. Так ещё и на этом мучения не закончились, потом тот же здоровяк намылил его мылом, которое жутко щипало глаза, и долго тёр тряпкой. Только после этого посла Ватикана обернули большущей простынёй и отвели в небольшой деревянный дом. Туда же через несколько минут принесли на руках и Томмазо. Женщина средних лет подала им глиняные кружки с кисловато-сладким напитком и, поставив на стол блюдо с пирогами, ушла.

В помещении было тепло, потрескивали дрова в круглой печи в центре дома, и вкусно пахло пирогами. Кардинал попробовал один пирог, тот был с рыбой. Доменико не ел с самого утра и с удовольствием принялся за пироги. Пришедший в себя после очередной пытки Кампанелла поддержал кардинала в его борьбе с пирогами. Насытившись, посол осмотрел дом. В нём было две спальни, кухня и довольно большая комната, за столом в которой, они и поужинали.

– Вы как хотите, дорогой Томмазо, а я пошёл спать, – и кардинал скрылся в одной из спален.

Ночь прошла на удивление спокойно. Страдающий подагрой Арсини впервые за несколько лет не просыпался от боли в коленях. А утром пришёл доктор ван Бодль. Голландец отлично говорил на латыни и современном итальянском, ведь он окончил университет в Падуе.

– Давайте, Ваше Высокопреосвященство, я сначала осмотрю вас, а потом уже вы мне пожалуетесь на баню и проклятых русских варваров, – улыбнулся доктор и стал простукивать и ощупывать кардинала, даже проверил наличие вшей в волосах на голове.

– Предстоит ещё одна такая пытка, так сказал князь Пожарский? – спросил доктора папский нунций.

– Ваше Высокопреосвященство, у вас проблемы с печенью и судя по коленям ещё и подагра. Я отведу вас завтра к нашим травницам, и они приготовят для вас питьё. Пить его вы будете три раза в день, всё время пока находитесь в Вершилово. Когда же вы нас покинете, то я дам вам в дорогу сбор трав, который вы должны заваривать на постоянных дворах. Вылечить мы вас, конечно, не вылечим, но самочувствие, если вы будете следовать всем рекомендациям, заметно улучшим. Теперь, что касается бани. На всех без исключения жителях Европы паразитируют вши и блохи. Эти мелкие насекомые являются разносчиками целой кучи болезней, в том числе и чумы с тифом. У нас в Вершилово, мы избавились от этой мерзости. В городе нет ни вшей, ни блох, ни клопов, ни тараканов, ни мышей, ни крыс. Мы довольны жизнью, и тут приезжает житель Европы и привозит всё это на себе и в своих вещах. Как вы думаете, что нам делать, чтобы защитить себя и своих близких? Я не хочу снова ловить на себе вшей и просыпаться ночью от укусов клопов. Да, вам в жизни не повезло, вы не живёте в Вершилово, но судьба подарила вам редкий шанс хоть несколько дней пожить как человек, а не как шелудивый пёс. Наслаждайтесь. Как только вы вернётесь в Рим, все эти паразиты снова набросятся на вас, и вы не сможете их победить, даже если построите у себя такую баню и будете мыться в ней каждый день. Нужно, чтобы весь Рим поголовно мылся и на въезде в него был карантин. Насекомые погибают при высоких температурах, которые человек может вытерпеть. То же касается и одежды, всю вашу одежду вчера прожарили и выстирали с мылом. Ещё раз повторю, наслаждайтесь чистотой и жизнью в Вершилово, к несчастью для вас это ненадолго.

Кардинал слушал этого улыбчивого доктора и грустнел. Тот говорил правду, это было видно и по глазам, да и по тону. Доктор искренне сочувствовал послу Ватикана. Проклятые византийцы. Сумели ведь. Одним из заданий кардинала было попробовать уговорить Рубенса и его учеников переехать в Рим и расписать стены нового собора. Не поедут. Вшей испугаются.

Всё это было вчера. Сегодня с утра его пригласили к князю Пожарскому. Карета, которую подали Доменико, была необычной. Он не тряслась на неровностях дороги, хотя неровностей и не было. Карета плавно покачивалась при езде. Словно лежишь в гамаке, как на корабле. Окна были застеклены и закрыты занавесками. Кардинал попробовал их отдёрнуть, но у него не получилось. Так и ехал всю дорогу с занавешенными окнами и только когда они уже приехали, он взялся за ручку на двери, чтобы открыть её, а это оказалась совсем не ручка, она провернулась, и шторы послушно стали разъезжаться.

– Пурецкая волость, – вздохнул посол и поискал глазами дверную ручку. Там был серебряный рычажок, Арсини потянул за него и дверь с мелодичным звоном колокольчиков открылась.

Кардинал вышел из кареты и огляделся. Он находился на очень большой площади. И вся эта площадь была выложена цветным кирпичом. Как русским удалось придать кирпичу синий и зелёный цвета? Пурецкая волость. Кирпичи были уложены в замысловатые узоры и, наверное, из окон второго или третьего этажа это смотрелось просто восхитительно. В одном конце площади высился громадный собор из кирпича с семью цветными куполами и золотыми ортодоксальными крестами. Сам собор был красив, красные и жёлтые кирпичи были уложены в кажущемся беспорядке, но если долго приглядываться, то можно выявить и закономерность, даже увидеть узор. Только приглядываться не получалось, взгляд приковывала мозаичная картина с парящим в небе Христом прямо на стене. В Риме кое-где оставались ещё мозаики со времён империи, но эта была и красочнее и гораздо искуснее выложена. Просто картина, а не мозаика.

По бокам площади стояли два одинаковых здания из того же кирпича и на их стенах тоже были мозаичные картины. На том, к которому подъехала карета, был изображён Прометей. Гигантский орёл выклёвывал у него печень. Прометей, тот, кто принёс людям огонь, знания. Понятно.

А сзади был дворец и тоже из кирпича двух расцветок. Огромные окна, застеклённые простым и цветным стеклом. Витражи. Мраморные статуи на балюстраде. Дворец был огромен, видно было, что есть ещё и крылья.

– Пройдёмте, Ваше Высокопреосвященство, – вывел папского нунция из созерцательного состояния молодой человек, отлично говоривший на латыни, – Князь Пётр Дмитриевич Пожарский ждёт вас.

Пожарский без верхней одежды смотрелся ещё мощнее. Просторная русская длиннополая одежда скрадывала мышцы и ширину плеч. Настоящий русский медведь. Кардинал Арсини сидел в кабинете князя и пытался его разглядеть получше, чуть щуя глаза.

– Трофим, – вдруг зычно позвал Пожарский. – Позови Кеплера и Антуана ван Бодля сюда, чем быстрее, тем лучше, – хозяин кабинета повернулся к Доменико и сообщил, – У вас, Ваше Высокопреосвященство, проблема со зрением, скорее всего близорукость, сейчас подойдёт доктор и один наш учёный, и мы подберём вам очки. Нужно, что бы вы попристальнее разглядели, что делается у нас в Вершилово.

– Было бы хорошо, но очки помогают только тем, кто плохо видит вблизи, я же близко вижу хорошо, – кардинал развёл руками, мол, спасибо за участие, но тут вы бессильны.

А этот молодой человек засмеялся.

– Давайте, подождём специалистов. А пока, может быть, вы мне изложите цель вашего визита. Я ведь не уполномочен принимать послов. Это только Государь император с иностран-

ными послами общается, я же только с купцами иноземными. Или вы, кардинал приехали торговать? – теперь сощурился русский.

– И, да и нет, Ваша Светлость. Отсюда я поеду в Москву. Там я, конечно, буду разговаривать с вашим царём.

– Стоп. У нас на престоле сидит император, а страна называется Российская империя. Это признают многие страны, например Франция, Дания, Речь Посполитая. Если вы приехали оскорблять императора, то лучше не в моём присутствии, – Пожарский даже привстал, прямо навис над папским нунцием.

В Ватикане обсуждали этот вопрос, и кардинал от папы получил уклончивый ответ, смотрите по обстоятельствам, но если они будут настаивать, то обращайтесь к их монарху, как к императору. Потом мы ведь всегда можем сказать, что это была ваша личная инициатива.

– Конечно, конечно. Я буду разговаривать с императором. Но сейчас мне бы хотелось предварительно обсудить, о чём стоит разговаривать с императором, а о чем не стоит.

– Но ведь я даже не боярин. Не заседаю в Думе, – развёл руками голубоглазый гигант.

– Вопросы касаются в основном вашего Вершилова. И государь император всё равно обратится к вам за разъяснением. А так мы сэкономим время. У вас большая страна, – Кардинал Арсини выжидательно замолчал.

– Хорошо. Только давайте без цветистых фраз. У нашего императора скоро свадьба и, думаю, на неё мы поедим вместе, так что в дороге можем поупражняться в построении красивых и обтекаемых фраз. А сейчас у меня очень мало времени, нужно многое успеть до отъезда. Итак!

Варвары. Всё норовят с плеча рубить. Или византийцы, не дают времени на раздумья, надеются сбить с мысли. Поди, их варварских византийцев пойми.

– Ватикан хотел бы, чтобы вы построили в Риме монетный двор, который бы выпускал монеты такого же качества, как и ваши, – с ними как с джинами из восточных сказок надо, предельно точно формулировать, подумал Доменико.

– Хорошо. Цену вопроса обговорите с государем. Только есть два но, монетный двор будет выпускать, вот такие монеты, – Пожарский протянул кардиналу две золотые монеты, червонец и пятирублёвку и три монеты достоинством в один рубль из серебра, с разными рисунками на реверсе, – Монеты со вставкой драгоценных камней, если они вам нужны, будут делать здесь. Слишком сложная технология, у вас не смогут даже починить станок, если он сломается. Второе «но», это матрицы, их у вас тоже делать не смогут. Чтобы их сделать, нужны специальные станки, а чтобы сделать эти специальные станки, нужны тоже станки. Всё это нужно обслуживать. Чтобы делать матрицы у вас, нужно перевозить к вам половину Вершилова, – князь широким жестом развёл в стороны руки.

– А сколько монет может напечатать одна матрица? – осторожно уточнил кардинал. Когда они обсуждали этот вопрос в Ватикане, то приглашённый из Венеции мастер с монетного двора примерно так всё и сказал.

– Несколько тысяч. Всё зависит от аккуратности ваших рабочих. Мы сделаем несколько штук и сразу передадим вам после заключения договора. Мы немножко готовились к вашему, Ваше Высокопреосвященство, визиту и разработали несколько эскизов монет, после нашего разговора вам их покажут, выберите те, что понравятся.

– Вы знали, что я приеду, но откуда, – отклонился от стола кардинал, изображая недоверие.

– Да, очень просто всё. Мы попросили папу отправить к нам философа, Кампанеллу. И даже послали ему несколько пробных монет. В мире нет монарха, который бы не захотел иметь у себя такую валюту. Папа тоже монарх.

– Византийцы, – усмехнулся Арсини.

– Ну, те ребята были не дураки. Их империя просуществовала тысячу лет. Достойный предмет для подражания, – вполне серьёзно ответил ему Пожарский.

– Может быть. Второй вопрос, который попросил меня обсудить с вами Его Святейшество – это строительство в Вершилово католического храма, – кардинал ехал с закрытыми шторками кареты и не знал, что храм уже строят, да ещё какой, да ещё кто.

– Строительство храма? – князь снова откинулся на спинку кресла и как-то подозрительно посмотрел на папского нунция, – И что вы предлагаете? Что Его Святейшество предлагает, – исправился сразу Пожарский.

– Мы выделяем всю сумму необходимую на строительство храма и даже наймём хорошего архитектора. Если нужно будет доставить из Италии мрамор, то мы это сделаем, – Арсини сомневался в выполнении этой задумки папы.

– У вас есть с собою проект этого договора? – как-то подозрительно сощурился князь.

– Да, он у меня с собою, – Кардинал достал из дорожного сундучка свёрнутый в трубку пергамент.

– Трофим, – снова громко крикнул князь, и когда из-за двери снова выглянула голова стрельца, приказал, – Попроси Петера Шваба срочно подойти сюда. Нужно напечатать одну страницу.

– Мы сейчас составим с вами другой договор по строительству храма в Вершилово, – пояснил Пожарский свои действия.

– Но я не уполномочен изменять договор, – запротестовал кардинал.

– Мы ничего практически там менять и не будем. Впишем фамилии архитекторов и обговорим сроки поставки материалов. И сроки выплаты Ватиканом денег на строительство. А ещё составим приложение к договору. Мне бы хотелось, чтобы священников приехало несколько, лучше десятков. И они должны быть не фанатиками, которые будут русских людей в католичество заманивать, а учёными, которые будут преподавать в семинарии, которую мы начнём строить весной.

У Папского нунция загорелись глаза, на такой успех он и не рассчитывал.

– И что они будут преподавать конкретно?

– Греческий, латинский и древнееврейские языки, историю религии и историю древнего мира, Ветхий завет.

– Ого! Таких специалистов у нас и самих не много, – попытался набить себе цену кардинал.

– Если присланные вами профессора будут плохо знать свой предмет, то мы их выгоним и подумаем, а стоит ли вообще с Ватиканом иметь дело, – грозно зыркнул на папского нунция Пожарский и тот покивал головой. Понятно, кто здесь проситель.

– Хорошо, мы выберем лучших профессоров.

– Они должны приехать в Вершилово к первому сентября следующего года, – продолжил Пожарский.

– Вы хотите построить семинарию за одно лето? – поразился Доменико.

– По крайней мере, приложим к этому все силы. А храм возведём к Рождеству.

– Этого не может быть! Храмы строят много лет, иногда десятилетия.

– Вам там спешить некуда, вот вы медленно и строите, а русским варварам всё нужно прямо сейчас, – подмигнул кардиналу этот огромный юноша.

В дверь постучали. Пожарский встал со стула и открыл её. За порогом был уже знакомый папскому нунцию доктор и мужчина в европейской одежде и в очках.

– Знакомьтесь, господин кардинал, это знаменитый астроном Иоганн Кеплер. У него с глазами та же проблема, что и у вас. Вы сейчас возьмите его очки и попробуйте удалять и приближать их, а господин Кеплер замерит расстояние, при котором вам видно лучше всего.

Кардинал Арсини надел очки и впервые за несколько десятков лет увидел мир не размытым.

– Это чудо! Я отлично вижу! – восхитился Доменико.

– Тем не менее, поудаляйте и поприближайте очки, – остановил его князь.

Кардинал проделал эту операцию и убедился, что лучше всего ему видно, когда очки надеты. О чём он и сообщил Пожарскому. Тот вопросительно посмотрел на Кеплера.

– Пусть оставит себе. Владейте, Ваше Высокопреосвященство. Это вам от меня в подарок, у меня есть запасные, – Кеплер сказал это без энтузиазма, что сразу почувствовал Доменико.

– Благодарю вас, сын мой, – кардинал трижды перекрестил астронома.

– Спасибо Иоганн, нам обязательно нужно, чтобы кардинал всё у нас внимательно рассмотрел и потом рассказал Его Святейшеству. В Ватикане должны знать правду о Вершилово. А то ведь объявят наши товары сатанинскими, продай их потом, – тоже не очень радостно проговорил Пожарский.

– Все, господа, извините, что оторвал от дел. Доктор, что там с гвардейцами Ватикана.

– У двоих сифилис и у одного гонорея, кроме того у одного серьёзный фурункулёз. Всё тело в волдырях. Этих четверых я оставил в карантине. Остальные сейчас со Шварцкопфом, – доложил ван Бодль. Кардинал осознал, что они специально для него говорят это по-немецки.

– Вот видите, Ваше Высокопреосвященство, а вы от нашего карантина отказывались. А вы знаете, что сифилис передаётся и при соприкосновении. Может, и вы уже заразились, когда протягивали тем, двоим руку для поцелуя. Антуан, ты понаблюдай за кардиналом, если есть хоть малейшие симптомы, то сразу назад в карантин, – князь даже отодвинулся от папского нунция, как от чумного.

– Что же мне делать? – простонал оглушённый известием Доменико.

– Лекарства от сифилиса пока нет. И появится оно очень не скоро. Будем надеяться, что вы не успели заразиться. У меня будет просьба к вам. В Вершилово много католиков и они захотят получить у вас благословление. Осеняйте их крестным знамением, но руку для поцелуя не подавайте, пока доктор не выяснит, здоровы вы или нет. А теперь Трофим проводит Вас Ваше Высокопреосвященство в отведённый вам терем. Пройдёте через травниц, те тоже вас осмотрят и отвар пропишут. Принимайте обязательно по их рекомендациям. Встретимся завтра, как раз Шваб договор напечатает, а вы подумайте, чем ещё полезным могут быть друг другу Вершилово и Ватикан.

Событие тринадцатое

Всё, к чертям всех послов, нужно хоть один день посвятить сельскому хозяйству. Всё-таки Россия аграрная страна и благополучие основной массы населения зависит от урожая. Что вырастили, то и едим. Никто ножики Буша из Америки не пришлёт. Пётр взял с собой Полуярова и недавно приехавшего в Вершилово голландского селекционера тюльпанов и лилий Питера ван Бассена, из-за него ещё и Федьку Коровина пришлось с собою тащить. Голландец ещё русского не знал, хоть, говорит, что начали они всей семьёй учить, а Фёдор Коровин был один из лучших знатоков голландского в своём классе. Ничего, походят взрослые в школу для взрослых, а дети в школу для детей, там и тех и других разговаривать по-людски научат. Ван Бассен привёз с собою трёх сыновей. Это ведь целую семеноводческую станцию можно устроить.

Начали с осмотра «американских» культур. Картофель превзошёл все ожидания. Лето выдалось жарким и в меру дождливым, да ещё князь вспомнил, что нужно цветы обрывать, чтобы клубни росли крупнее. В результате Полуяров отобрал из собранного картофеля больше ста клубней с кулак, а два десятка тоже крупных картошин отложили от потомства двух самых

крупных, отобранных ещё в прошлом году. Потомки были даже крупнее своих родителей, а значит, наметился уже крупноплодный сорт. Но главная удача Пожарский считал в другом. Варфоломей Ожогин, которому в прошлом году выделили ведро картофеля на посадку, собрал без малого восемь вёдер и грудью встал за них, ни кому не отдал, как его соседи не просили. Сам решил всё посадить, если картошка даёт урожай сам восемь, и почти не требует ухода, то нужно посадить пару соток, а уж потом начинать за очень дорого на семена продавать.

Вот «кулацкая морда», порадовался за Варфоломея Пётр. Так этот поступок крестьянина привёл ещё и к тому, что за Прилукиным целая вереница просителей выстроилась, всем заморский корнеплод сразу нужен стал. Ведущий агроном Вершилова пока не продавал, ждал решения Петра Дмитриевича.

– Продавай средних размеров картофелины, но не больше десяти в одни руки, – решил Пожарский, – Так ещё больше ажиотаж подогреем.

Кукуруза особых новостей не принесла, урожай был стабилен. Сдерживало, только то, что приходилось её выращивать через рассаду. Не строить же каждому крестьянину по теплице. Стоп! Конечно же, строить! Скажем, теплиц по пять в год. Не разоримся. Зато те крестьяне смогут и кукурузу выращивать, и летом теплицы не будут простаивать, люди будут помидоры и перцы выращивать. Мы, таким образом, можем, вскоре весь мир молотым горьким перцем снабжать. Исходя из сегодняшней цены, когда его арабы везут из-за моря, это золотая жила. Ну и что, что он будет не чёрным, а красным, вкус почти один. Пожарский тут же поделился мыслью с Полуяровым.

– Вот, где вы, Пётр Дмитриевич, идеи по обогащению выуживаете? – Полуяров горестно, нарочито, вздохнул, – Теперь всё Вершилово ещё и в очередь за теплицами встанет.

– Питер, – обратился через Фёдку князь к ван Бассену. – Нужно первым делом заняться селекцией американских овощей. Их пока в Европе почти не знают. Вот нам и надо успеть, как можно больше денег на этом заработать.

Голландец закивал. Будем надеяться, что проникся. Следующим был подсолнух. Пётр осмотрел отобранные семечки. Один чёрт мелкие.

– Пётр Дмитриевич, – видя его огорчённую физиономию начал Полуяров, – Мне тут Васька «рубль» идею подкинул. Спрашивает, а почему мы семенам такие хорошие условия создаём, а что если наоборот.

– Как это? – не понял Пожарский.

– Ну, просто очень. Что если посадить их в плохую почву, поливать плохо, а те, что семена дадут, на следующий год опять мучать, а вот через несколько лет посадить в идеальные условия. Может они от «радости» огромный урожай дадут?

И генерал Афанасьев вспомнил, как давным-давно, ещё в восьмидесятые годы, читал роман «Белые одежды». Он был как раз про селекционеров. Там был случай, когда пшеница у одного из них заразилась ржавчиной, вроде, и тот вместо того, чтобы её спасти, стал заражать всё поле, и вывел, кажется, сорт устойчивый к ржавчине.

– Обязательно так сделайте, а Ваське «рублю» выдай золотой червонец. Хотя нет. Давай я сам выдам прилюдно в храме. И объясню, за что. Нужно в людях хорошую зависть пробуждать. Может, ещё «Васьки» найдутся.

Дальше перешли к помидорам. Тут Полуяров снова отобрал семена самых скороспелых и самых крупных. Помидоры ещё и в наличии были, и Пожарский с удовольствием съел несколько, да голландца угостили.

Фасоль, посаженная в грунт, почти не вызрела. Но главным было слово «почти». Один куст дал-таки вызревшие стручки. Их Полуяров теперь собирался обязательно снова в грунт сразу будущей весной посадить. Может, появится скороспелый сорт. Ту же, которую сажали через рассаду, снова отобрали по урожайности самого куста и крупности фасолин.

Баклажаны, посаженные через рассаду, дали нормальный урожай и в селекции не нуждались, тем не менее, Пётр дал команду всё равно отбор вести по двум направлениям, по скорости созревания и по мощности куста. На большом кусте и урожай больше.

Посаженный первый год сладкий или как его называли в двадцатом веке «болгарский» перец тоже был мелковат на взгляд привыкшего к здоровым перчинам весом по 400 граммов Афанасия Ивановича. Что ж, там ведь и селекции 400 лет. Это всего по грамму в год, получается, добавляли, да и то не каждый год.

А вот бобы были крупные. До выращиваемого Афанасием Ивановичем сорта «Русский размер» немного не дотягивали, правда, но теперь есть ван Бассен с семейством, пусть занимается.

Топинамбур или «Земляная груша» был весь посажен, и посмотреть его не удалось. В прошлом году часть клубеньков было отдана крестьянам на пробу. Полуяров говорит, что распробовали, на силос многие просили. Ещё бы, столько зелёной массы эта маленькая грушка выдаёт.

Последними были кофейные деревья. Они, можно сказать, благополучно пережили дорогу и летом в теплице даже дали новые веточки. Пётр выращивать кофе в промышленных масштабах естественно не собирался, но осознавать, что «вот чего у меня есть» было приятно.

Пётр Дмитриевич весной вспомнил, что садовая земляника, или как её ещё называют клубника, получилась от скрещивания американской и европейской земляники. Он заказал Буксбауму, Ротшильду и Бенциону поспрашивать в Испании про эту ягоду и, если можно, заказать её купцам, что плавают в Новый свет. Да ещё и про черноплодную рябину вспомнил, что её, кажется, вывел Мичурин, скрестив американскую Аронию с нашей сливой. Мичурина пока нет, но вот ван Бассен приехал, может у него получится. По крайней мере, Пётр эту аронию заказал. Тяжелее всего было объяснить евреям чего он хочет. Пришлось брать Прилукина, чтобы он нарисовал веточку рябины, а потом раскрасил ягоды в чёрно-вишнёвый цвет. Получилось, вроде, похоже.

Кроме этого заказал Пётр своим негоциантам и лимонов привезти. Причём, в обеих ипостасях, и плоды, и молодые деревца. Если в двадцатом веке многие выращивали их на подоконниках, то уж в отапливаемой теплице точно вырастут и плоды дадут.

По зерновым Полуяров отчитывался с заслуженной гордостью. Пшеница дала на круг больше 35 центнеров с гектара. Рожь и того больше. За озимыми семенами в конце лета огромная очередь из купцов выстроилась, с десятка городов, в том числе половина из Москвы. Полуяров по команде Петра только предупреждал купцов, чтобы иноземцам не продавали. Пусть свои русские крестьяне сначала поедят досыта.

Крестьянин Трофим Пристукин посадил весной отобранные самые крупные морковки и осенью собрал семена, ну, тут о результате говорить рано. Тем более что ван Бассен привёз из Голландии довольно много семян различных огородных культур, в том числе и моркови. Вот пусть и занимается. Нужно будет создать сельскохозяйственный институт, ван Бассенов хоть и четверо, но культур-то в десятки раз больше, со всеми не справятся, нужны помощники и ученики.

После «закромов родины» поехали в зоопарк. У верблюдов было пополнение. Родилось сразу одиннадцать верблюжат. Плюс пару привёз Омар. Только на этот раз не двугорбых, а одногорбых. Эти назывались дромадер. Омар сказал, что если их скрещивать между собою, то получатся нары, очень сильные и выносливые животные. Что ж, поскрещиваем. Кроме верблюдов привёз Омар и парочку осликов, дети с радостью на них катаются. Яков стало целое стадо. Фёдор в начале лета из Уфы прислал купленных у китайца князем Григорием Григорьевичем Пушкиным пять яков, два самца и три самки, которые на днях отелились, причём, как назло, все трое телят были бычками. Да уже прижившаяся парочка произвела на свет уже

второго телёнка, хоть эта принесла тёлочку, да старый як ещё раз огулял двух добавленных в его стадо коров и теперь в Вершилово уже четыре хайнака, два самца и две самочки.

Костя Фомин, директор зоопарка опять жаловался, что яки плохо летнюю жару перенесли, опять пришлось отгонять их к болотам, да ещё самцы между собою передрались. Нужно будет в следующем году поменять самцов, подпустить их к другим самкам, чтобы было больше возможных вариантов для скрещивания и не вязались друг с другом родственники.

Верблюжьей шерсти насобирали за год вычёсыванием и стрижкой чуть не полтонны. Всю её уже свили в нити и теперь три привезённые Омаром рабыни начали вязать ковры. Пётр за этой работой уже понаблюдал. Не быстрое это дело ковры вязать. На один квадратный метр сотни тысяч узлов. Самые лучшие мастерицы большой ковёр чуть не год делают. И здесь нельзя усовершенствовать процесс. Нет, в двадцатом веке появились машинные ковры, только ручные от этого даже дороже стали. К рабыням, которые по-русски не понимали ни слова, прикрепили трёх крестьянских девушек, они и ковры вязать научатся и рабынь русскому обучат. Пётр даже не смог выяснить их национальности. Вроде проскальзывало слово Бухара, может узбечки. Ладно, выучат язык, расскажут, кто они и откуда. Пока же их поселили к монашкам, девушки ведь с печами точно управляться не умеют, ещё угорят, а то и пожар устроят.

Яки шерсти дали опять клок. Всего пять кило начесали. Зато она тоньше и длиннее. Будем из неё пробовать шерстяную ткань на спецзаказ делать.

После яков посетили загон с ламами. Все восемь были живы и даже, по словам Кости, самки в тяжести. Значит, вскоре «ламаты» появятся. Хоть от этих родственников верблюдов шерсть тонкую получим. Генерал Афанасьев помнил, что в Перу есть ламы – это по сути выючное животное, оно больше, но даёт мало шерсти, а есть альпака, этих разводят на шерсть. Нужно будет вторых тоже обязательно в свой зоопарк Ротшильду заказать.

А зубры уже размножились. Все три мохнатые коровки принесли телят. Получилось две самочки и бычок. Ещё не стадо, конечно, но восемь зубров в Вершилово уже есть.

Напоследок были кони. Омар опять привёз трёх кохейланов и одного арабского скакуна повыше их, но очень поджарого и тонконого. Интересно, что профиль у него был вогнутый. Рост жеребца в холке был не меньше метра восьмидесяти сантиметров, прямо великан. Загляденье. Араб был красивого рыже-золотистого цвета. Грива и хвост были даже ещё светлее, чем окрас тела. За такого красавца не жалко ста рублей, что Полуяров выложил. Порода называлась хадбан. Омар в счёт верблюдов, лошадей и рабынь забрал вазы, которые специально для него делали с мусульманскими рисунками и набрал сверх того множество товара: и ручки и чернильницы и бумагу и даже меха. Зачем меха в Бухаре? На следующий год купец обещал прийти с целым караваном судов. И все будут его. Разбогател человек на вершиловских товарах. И это хорошо. Полуяров по просьбе князя Пожарского попросил купца привезти в следующий раз семена одуванчиков, дынь и арбузов. Тот поудивлялся, но обещал привезти.

А где же Бицоев? Скоро лёд на реках встанет.

Событие четырнадцатое

Онисим Петрович Зотов чмокнул сладко посапывающую жену в макушку и решительно поднялся с постели. Нужно было умыться, почистить зубы и отправляться на пробежку. Раньше-то они с Джеммой вместе бегали, но теперь жена была на шестом месяце беременности, и приходилось бегать одному. Ну, не одному, конечно, по дорожке из жёлтого кирпича бегало больше половины Вершилово. Её даже пришлось расширять этим летом, благо жёлтого кирпича наделали огромное количество.

Из него решили строить два храма на площади, получившей название «Всех святых». Справа уже стоит возведённый под крышу католический храм, а слева протестантский. Архитекторы Модерна и Шарутин интересный проект вместе разработали. Католический храм будет

из жёлтого кирпича с применением синего, где-то одна четверть, а протестантский, наоборот, из синего кирпича с добавлением четверти жёлтого. Даже проект был красив, а сейчас, когда стены храмов уже возведены и плотники занимаются крышей, просто слов не хватает эту красоту описать. Синий кирпич, конечно, получился дорогушим, на него ведь простую глину совсем немного расходовали, в основном он из белой делается, да ещё краситель, что с реки Гжелка привозят на него в приличном количестве идёт. А ведь всё это из-под самой Москвы возить надо. Дорого. Но ведь стоит того. Нигде в мире ничего подобного нет, и очень долго не будет. Князь Пожарский все земли вокруг месторождения белой глины и красителя под Москвой скупил и никого туда выставленный дозоры не пускают.

Вчера к строящимся храмам привели показать это чудо посла Ватикана. То-то соплей было. Он, оказывается, по приказу папы заключил договор с Петром Дмитриевичем, что Ватикан будет строить католический храм в Вершилово на свои деньги, и мрамор будут возить тоже за их счёт из Италии. А тут уже такой красавец возведён. Они там только думают архитектора искать, а тут уже два лучших в мире архитектора работают и один из них их знаменитый Модерна. Папский нунций обозвал всех византийцами и обманщиками, но делал это не зло. У самого слёзы на глазах выступили, когда эту красоту увидел. А мрамор с него Модерна сразу потребовал, садитесь мол, Ваше Высокопреосвященство, и письмо срочно пишите, пусть из Италии мрамор везут и каменотёсов опытных с десятков пришлют. Нужно ведь внутренность храма самым белым мрамором отделывать. Нужно чтобы внутри храм был, как и снаружи, самым красивым в мире.

Не просто теперь Ватикану придётся. И синий кирпич дорогуший и услуги Модерны с Шарутиным далеко не бесплатны, а ещё и мрамор с каменотёсами. Ничего, покряхтят, а расплатятся. Не может же Ватикан на попятную пойти. Это какой урон по престижу. Да и монетный двор они у нас просят.

Сегодня у Зотова было запланировано совсем другое строительство. Осень расщедрилась и выдала несколько тёплых солнечных деньков, и Пётр Дмитриевич решил ими воспользоваться. От перегонки нефти на керосин для ламп остаётся много отходов. Князь говорит, что два вида из них, которые он называет бензин и соляра вскоре пригодятся, а вот чёрную жижу будем использовать прямо сейчас. Будем из неё новое дорожное покрытие, делать, которое называется «асфальт». Гудрона этого скопилось уже порядочно. Вот вчера с Нижнего Новгорода и привезли большие чаны, в которых на стенах смолу кипятят, чтобы на врагов сверху лить. Какие уж теперь враги-то под стенами Нижнего? Воевода князь Пронин легко чаны отдал, даже представить себе сложно, откуда это могут враги к нам сюда подойти.

В чанах гудрон будут разогревать, и добавлять песок и мелкие гравий с известняком. Когда всё это разогреется, надо будет высыпать на дорогу и катками укатывать. Ничего сложного. Посчитали, что гудрона должно хватить на дорогу от медведей до старой площади с деревянным храмом. И снова будем гудрон копить, благо теперь нефти гораздо больше стали привозить, за пару лет накопим и для покрытия всей центральной улицы.

А ещё нужно будет проверить и строительство железной дороги от центральной площади до промзоны. Княжич Фёдор Дмитриевич Пожарский рельсы чугунные привёз, а всё остальное ещё летом заготовили и шпалы и костыли. Да и саму дорогу расширили. Сейчас уже пятый день строительство этой дороги идёт. Четверть почти построили. Всего она в четыре с небольшим километра длиною, так вчера вечером забили серебряный костыль, который ознаменовал первый километр первой в мире железной дороги. Второй такой же будет в музее Вершилова находиться.

Жаль механики не успели паровую машину построить, и первые вагоны будут кони возить. Вагоны уже готовы. Их ещё летом собрали. Ничего сложного, каркас из полос железа, скреплённых болтами и обшивка деревянная. Вот только с рамами пришлось повозиться. Стёкла делали толстые и закрепляли их на резину. Зато теперь покрашенные в голубой цвет

три вагончика смотрятся просто чудесно. Если строительство пойдёт такими же темпами и природа сюрпризов не преподнесёт, то через две недели заработает наша конка.

Ну и в цирк нужно обязательно заглянуть, там сейчас идёт внутренняя отделка, недавно окна вставлять закончили и печники к этому же времени со своей работой справились, теперь в здании тепло и можно стены дощечкой тонкой оббивать и сцену со зрительским залом обустроить. Первое представление хотят дать к Рождеству. Скоморохи готовят что-то новое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.